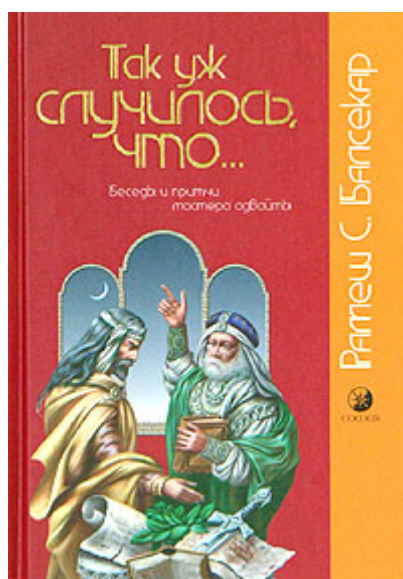

Рамеш С. Балсекар
Так уж случилось, что...
(If so happened that)

Беседы и притчи мастера адвайты

Перевод с английского А. Ефалова

Рамеш С. Балсекар

Так уж случилось, что... Беседы и притчи мастера адвайты

It So Happened That

Издательство: София, 2004 г. Твердый переплет, 176 стр. ISBN 5-9550-0423-8 Тираж: 5000 экз. Формат: 70x100/32

От издателя:

Книга "Так уж случилось" - собрание бесед мастера адвайты со своими учениками. В увлекательных, но исполненных глубокой мудрости притчах и юмористических историях Рамеш С.Балсекар раскрывает самую суть своего вдохновенного учения. Книга его

призвана помочь всем, кто движется по пути духовного поиска и открыт для восприятия новых идей.

Беседы Рамеша С. Балсекара всегда об одном – о Сознании, но ни одна из них не повторяет другую. Каждый раз это импровизация. Рамеш поощряет вопросы слушателей и даже требует их: в шутку он угрожает прочитать что-нибудь из своих обширных материалов, если не дождется вопросов. И надо сказать, эта угроза часто срабатывает.

Рамеш любит истории и притчи. Он способен заставить людей, пребывающих в духовном поиске, вовремя посмеяться над собой и над трудностями, которые встречаются им на пути. Беседы Рамеша пронизаны цитатами и реминисценциями из прочитанных им книг. Например, своим пристрастием к анекдотам о раввинах Рамеш обязан замечательной книге под названием «Рассказы раввина» - подарку от его друзей, Нортон и Альбы Смит. По словам Рамеша, он и сам не знает, когда расскажет ту или иную историю: это происходит само собой прямо во время беседы.

Общаясь с Рамешем, воспринимаешь его и как личность, и как телесно-духовную сущность, через которую вершится деятельность сознания.

Оглавление

Предисловие / Основы / Сознание / Нет индивида, нет “Я” / Свободная воля / “Я”, или Эго / Думающий разум и действующий разум / Отстраненное наблюдение / Понимание ребенка / Идеи / Взаимосвязь противоположностей / Боль, страдание и зло / Смерть / Приятие и отказ / Поиск / Исследование своего “я” / Садхана / Садхана: молитвы / Садхана: аскетизм и отрицание / Садхана: ритуал / Отношения гуру и ученика / Бхакти и джнана / Пробуждение / Реальность мудрых / Истории из жизни Рамеша

Предисловие

Беседы Рамеша С. Балсекара всегда об одном — о Сознании, но ни одна из них не повторяет другую. Каждый раз это импровизация. Рамеш поощряет вопросы слушателей и даже требует их: в шутку он угрожает прочитать что-нибудь из своих обширных материалов, если не дождется вопросов. И надо сказать, угроза часто срабатывает.

Рамеш любит истории и притчи. Он обладает блистательным и мягким чувством юмора. Он непредсказуем. Он способен заставить людей, пребывающих в духовном поиске, вовремя посмеяться над собой и над трудностями, которые встречаются на их пути. Так, на одном из семинаров Рамеш сказал: “Итак, каков же будет первый вопрос? Но нет, погодите... Я вспомнил одну шутку. Некого раввина с утра до вечера осаждали люди, так что у него совсем не оставалось времени ни для чтения, ни для созерцания, ни для медитации. Он не знал, что делать, пока ему в голову не пришла великолепная идея. Раввин повесил на дверь записку: “За два вопроса — сто долларов”. Конечно, с того дня

свободного времени у него стало гораздо больше. Затем к нему пришел богач и сказал: “Рабби, вот сто долларов, но не кажется ли тебе, что это слишком большая сумма за два вопроса?” На что раввин ответил: “Кажется. А каков твой второй вопрос?”

С 1987 г. Рамеш проводит беседы и семинары в Соединенных Штатах, Германии и Южной Индии. Его дом в Бомбее почти каждое утро открыт для посетителей, и люди заходят туда, чтобы поприсутствовать на собраниях. Если вы, как и я, увлечены адвайтой и побывали на семинарах Рамеша, вы найдете в этой книге те же истории, притчи, цитаты и шутки, которыми он обычно иллюстрирует основные идеи учения. Но лично мне это многократное повторение никогда не надоедало: по мере того как от семинара к семинару углублялось мое понимание учения, менялось и восприятие этих историй. Подобно нити, удерживающей бусины в ожерелье, примеры, которые приводит Рамеш, помогают соединить в общую картину ускользающие, неуловимые понятия адвайты.

В прошлом году в Германии я сказала Рамешу, что хотела бы собрать все его истории в одну книгу. Идея понравилась Учителю; как правило, он приветствовал творческие начинания, исходящие от его последователей. (Думаю, Рамеш прекрасно знал, что работа над книгой помогает лучше понять учение и, возможно, приносит автору еще больше пользы, чем читателям.)

К тому времени я уже поняла: если в голову приходят творческие идеи и начинают упорно меня преследовать, то их надо осуществлять. Итак, с благословения Рамеша я в тот же день начала претворять в жизнь свой замысел. Вместе с ним, Уэйном Ликерманом, Марком Буре и Хайнером Зигельманом мы уселись вокруг стола, стали вспоминать истории, которые рассказывал Рамеш на семинарах, и записывать на магнитофон самые любимые, которые он захотел повторить. Истории, рассказанные Рамешем в тот день, и положили начало этой книге. Остальное было восстановлено по аудиозаписям семинаров Рамеша в Ковалам-Бич (Индия), в Тибуроне, Сиэтле, Аспене, Мауи (США) и в Гут-Шермау (Германия).

Я решила, что книга будет представлять собой упрощенную редакцию вводной беседы, которую Рамеш проводил на одном из семинаров в Гут-Шермау в 1999 г. В ней Рамеш изложил основные понятия адвайты, развил их и сопроводил примерами, которые обычно использовал в своих выступлениях и ответах на вопросы. В книге истории, шутки, цитаты и притчи Рамеша сопровождаются краткими редакционными пояснениями после заголовков. Так что эту книгу можно читать как “от корки до корки”, так и выборочно.

Беседы Рамеша пронизаны цитатами и реминисценциями из прочитанных им книг. “На самом деле я никогда специально не занимался поиском книг, но жизненный опыт показывает, что каким-то таинственным образом они сами попадают мне в руки. Раньше я обычно говорил, что мне это неинтересно, но потом перестал отказываться от книг и начал читать их, причем если не каждая, то очень многие имели для меня определенное значение”. Например, своим пристрастием к анекдотам о раввинах Рамеш обязан замечательной книге под названием “Рассказы раввина” — подарку от его друзей, Нортон и Альбы Смит. По словам Рамеша, он и сам не знает, когда расскажет ту или иную историю: это происходит само собой прямо во время беседы.

Общаясь с Рамешем, воспринимаешь его одновременно и как личность, и как телесно-духовную сущность, через которую вершится деятельность Сознания.

Мари Чиофало

ОСНОВЫ

“Первая мысль, которую я пытаюсь внушить каждой группе, заключается в том, что все сказанное мной — только идеи, но не истина в последней инстанции. Я начинаю с этого каждую свою беседу: ведь даже если мои слова привлекут вас, через несколько секунд вы, вероятно, подумаете: “Мне нравится то, что говорит этот человек, но откуда мне знать, истина ли это?” Так что я сразу говорю вам: нет, это не истина! Это всего лишь идеи. Что я понимаю под идеями? Во-первых, это то, с чем кто-то согласится, а кто-то — нет. Второе свойство идеи — то, что ее можно интерпретировать”.

Одному королю как-то приснилось, что у него выпали все зубы. Он позвал придворного астролога, чтобы тот растолковал сон. “Это очень плохой знак, Ваше Величество, — сказал астролог, — он предвещает смерть всех ваших родных”. Король разозлился, послал астролога в темницу и послал за следующим. Тот, зная о печальной участи предыдущего толкователя, сказал: “Ваше Величество, это очень хороший сон. Он говорит, что вы переживете всех своих родственников”. Этого астролога король наградил.

Итак, одну и ту же идею можно интерпретировать по-разному. На этот счет есть еще одна шутка.

У одного человека была привычка по каждому поводу говорить: “Могло быть и хуже”. Что бы ни случилось, он всегда говорил эти слова. Однажды к нему пришел приятель и сказал: “Знаешь, что случилось прошлой ночью? Фред неожиданно вернулся домой, застал жену в постели с другом, застрелил обоих и сейчас сидит в тюрьме”. “Как это ужасно! Какое несчастье! — воскликнул наш герой, а потом добавил: — Но могло быть и хуже”. Приятель рассердился: “Что ты имеешь в виду? Фред в тюрьме, два человека мертвы! Что может быть хуже?” На что получил ответ: “А то, что если бы Фред вернулся домой не прошлой, а позапрошлой ночью, одним из покойников был бы я”.

Любую идею можно интерпретировать, поэтому повторю еще раз: все, что вы услышите от меня, — это лишь идеи, а не Истина. Но есть ли на свете вообще Истина, которую невозможно подвергнуть различным толкованиям? Да, есть. Это объективное экзистенциальное знание: “Я есмь. Я существую”, — которое невозможно отрицать и которое присуще каждому. Ни один человек не скажет, что его нет. Атеист будет отрицать существование Бога, но не свое собственное. Единственная истина — это объективное осознание своего существования: “Я есмь”. Эта истина торжествует в мире явлений, в жизни, какой мы ее знаем. Бог не заботится об Истине, поскольку Он и есть Истина. Когда человек, находящийся в духовном поиске, хочет постичь Истину, он предполагает, что она находится за пределами обыденной жизни и более важна, чем повседневная реальность; поэтому у него возникает ложное представление о том, что для постижения духа нужно преодолеть и превзойти саму жизнь. Я, напротив, убежден, что любая духовная концепция, не связанная с реалиями нашей жизни, будет бесплодной. *Итак, вот моя первая идея: “Я есмь” — это единственная Истина. “Я есмь” — это жизнь, какой мы ее видим в ее проявлениях.*

Вторая основополагающая идея состоит в том, что человек — всего лишь одно из тысяч других существ, населяющих землю, воду и воздух и сообща составляющих всеобщность проявленного мира. *Согласно моей концепции, человек — это существо, обладающее уникальной программой.* Что я понимаю под “программой”? Человек не выбирает себе родителей, а значит, не выбирает себе гены, не выбирает окружение и условия жизни. Неповторимость ДНК и социально-культурной среды — это программирующее начало в человеке. **Джон Франклин, лауреат Пулитцеровской премии, очень красочно сказал об этом в своей книге “Молекулы разума? (Jon Franklin. Molecules of Mind): “В устройстве человека есть механизм, который не позволяет самому этому устройству увидеть его собственную механистическую природу”.**

Этот механизм в духовных учениях обычно именуется “эго”.

В каждом учении говорится, что в эго — главная проблема и что нужно его уничтожить. Однако главный вопрос — откуда взялось эго? Оно могло появиться только из Первоисточника (или Бога, или Сознания). Все в мире пришло оттуда. Эго создано для того, чтобы жизнь была такой, какая она есть, какой мы ее знаем, чтобы отношения между людьми были такими, какие они есть. Когда, забыв о механистической природе телесно-духовного организма, человек говорит: “Я думаю, я делаю, я переживаю”, — на самом деле *псе* это говорит эго — думающая, действующая, чувствующая индивидуальность. Бог создал эго, чтобы жизнь стала такой, какой она стала. В то же время иногда Первоисточник дает толчок к духовному поиску, цель которого — разрушение эго. И этот поиск начинается с момента рождения эго.

Духовный поиск уникален. Обычные поиски прекращаются, когда нужный предмет найден и человек получает то, что хотел. Но духовные искания заканчиваются в тот момент, когда мы понимаем, что же в действительности ищем. Завершение этого процесса всегда происходит неожиданно и не зависит от нас.

Что же в действительности хочет найти человек, иступивший на путь духовных исканий? Он не знает. В Бомбее я постоянно задаю этот вопрос пришедшим ко мне людям. Обычно они не отвечают или говорят, что пришли как раз затем, чтобы узнать это. Они в растерянности именно потому, что не могут определить цель своих поисков. Иногда я слышу фразы, вычитанные из книг: “Я хочу слиться с Единством”, “Я хочу познать Единство”, “Я хочу прийти к Первоисточнику”. Если Первоисточник — это единственная истинная реальность, тогда кто же этот “я”, который хочет стать единым целым с Сознанием? Поиск прекращается в тот самый момент, когда приходит понимание того, что нет и не было *человека*, совершающего определенные действия, что во всех его мыслях, поступках, переживаниях единственным действующим лицом был *Первоисточник*, проявляющийся в каждом человеке. Иными словами, человек не совершает индивидуальных действий. Всякое действие исходит от Первоисточника и лишь проявляется в определенное время через конкретную телесно-духовную единицу. Чтобы отдельное действие совершилось в данный момент, Первоисточник наделяет человека уникальной программой. Совокупность действий, совершаемых через миллиарды телесно-духовных единиц, каждая из которых обладает неповторимой программой, и есть то, что реально существует в данный момент.

Если принять эту реальность как волю Господа, как порождение Первоисточника, тогда исчезают понятия счастья и несчастья, удачи и неудачи. Человек несчастлив, когда его эго не удовлетворено тем, что есть. В действительности мы ищем то, что позволило бы нам быть счастливыми, невзирая на судьбу, на возможности, предлагаемые жизнью. Мы ошибаемся, когда считаем, что счастье находится вне нашей реальной жизни. Это

огромная, колоссальная ошибка! Единственное, что выходит за пределы жизни, — это Первоисточник, а его не заботят ни Истина, ни счастье.

Первая задача человека, пребывающего в духовном поиске, — это понять, действительно ли он что-нибудь ищет. Начался ли этот поиск в определенный момент или происходил всегда, сколько человек себя помнит? И тогда обнаружится, что поиск не зависит от воли человека. Когда я спрашиваю об этом, как правило, мне отвечают, что это было очень давно и они уже не помнят. Тогда я спрашиваю: “Почему же именно у вас духовный поиск начался в возрасте, когда большинство детей интересуется совсем другими вещами?” Ответ прост: потому что ваш телесно-духовный организм обладает программой, рассчитанной на осуществление такого поиска. Когда малыш только появился на свет и интуитивно потянулся к материнской груди, его жизнь представляла собой не что иное, как поиск — в соответствии с заложенной в нем уникальной программой. Некоторые люди стремятся к деньгам, другие — к славе, третьи — к власти, а некоторые хотят найти Бога, Первоисточник или Истину. Выбор цели, к которой будет идти человек, зависит не от его воли, а от присущей ему с самого рождения неповторимой программы.

В духовном поиске есть три способа постижения: бхакти — беспредельная любовь к Господу, джнана — высшее знание и карма — самоотверженное служение людям. Еще Рамана Махарши заметил, что бхакти и джнана — две дороги, ведущие к: одной цели. Если человек по своей программе — бхакта, а обстоятельства заставят идти по пути джнаны, это может привести к внутреннему конфликту; но и конфликт этот случится по воле Господа. Точно так же человеку бывает позволено свыше выполнять заложенную в него программу. *Третью основную идею можно сформулировать в четырех словах: “Да будет воля Твоя”.* Это значит, что ничего на свете не может случиться без воли Господа.

Стоит произойти какому-нибудь событию, как человек решает, хорошо это или плохо. Сначала он исходит из своих личных интересов: “Это хорошо для меня, для моей семьи, для общества, для страны”. По мере того как это становится все более благородным, круг расширяется. Это говорит: “То, что я пытаюсь сейчас сделать, принесет пользу всему человечеству”. Но человечество — это всего лишь крошечная точка в мироздании. Решая, что хорошо, а что плохо для них лично и для человечества в целом, люди все равно ограничены какими-то пределами. Представьте, например, что уничтожен вирус оспы. Все человечество сочтет это замечательным, но как же быть с вирусом, который тоже является частью мироздания? Для него это геноцид. Человеческий разум слишком ограничен, чтобы судить о происходящем, поэтому людей постоянно занимает вопрос: “Почему Бог сделал то или это?”, “Почему Бог создал Гитлера?” Самым простым ответом будет: “А почему бы и нет?” Вы не можете сдержать или ограничить власть Первоисточника.

Основной вопрос, который каждый человек должен задать самому себе, был сформулирован Раманой Махарши, — это исследование своего “я”: “А кто хочет знать?” Тот, кто хочет знать, — это тварное существо, объект, желающий постичь волю Творца — Субъекта; но это невозможно. Если человек — сотворенное существо хочет познать волю Господа-Творца, то это означает, что он неизбежно присваивает себе право высшего Субъекта и, что еще хуже, превращает этого высшего Субъекта в объект познания. Я полагаю, что это и есть первородный грех. Ученый может исследовать, и то в очень ограниченной степени, внешнюю сторону явлений, но ему не дано постичь истинную причину происходящего, он может понять “как”, но не “почему”. Человеку остается лишь смириться с тем, что мироздание — это тайна, которую ему не дано раскрыть. **Майстер Экхарт прекрасно выразил эту мысль: “Единственное, что может делать человек, — это изумляться и восхищаться величием и многообразием творений Господа”.**

Принятие Божьей воли — конечная цель духовных исканий, достижение которой неподвластно личности.

Если индивид от природы обладает сильной восприимчивостью, если в него заложена именно такая программа духовного поиска, то может случиться, что с самого первого раза идея о принятии воли Господа (“Да будет воля Твоя”) достигнет его сердца. Но такая способность встречается редко, и усвоение этой идеи сталкивается с определенным противодействием. Хотя основным положением каждой монотеистической религии является безоговорочное принятие воли Господа и смирение перед ней, это положение, как правило, не воспринимается глубоко. Слова “Да будет воля Твоя” превращены в пустое сотрясение воздуха.

Духовный поиск прекращается, когда эго наконец осознает, что же было целью. Что же ищет эго, чем должен завершиться духовный поиск? Смирением перед волей Господа, отказом от свободной воли личности. Итак, конечная цель духовного поиска — принятие того факта, что именно *Сознание действует через каждую телесно-духовную единицу и производит действия в строгом соответствии с волей Господа и программой, заложенной в каждого человека. Это и есть моя основная идея.*

Следуя этой идее, единственная садхана (духовная практика), которую должен выполнять человек, находящийся в духовном поиске, состоит в выяснении того, действительно ли действия и поступки являются его личными и зависят от его воли. Я предлагаю в конце каждого дня уделять десять, двадцать или тридцать минут тому, чтобы спокойно сесть, перебрать в памяти все случившееся за день — как незаметное, так и значительное — и подумать, были ли это наши личные действия или же события, происходящие вне вашего контроля? Осмелюсь предположить, что честное исследование личного опыта приведет к совершенно ясному осознанию того, что ни один совершенный человеком поступок не зависит от его воли.

Каким же тогда образом происходит действие? Для его совершения Первоисточник пользуется человеком, наделенным определенной программой, точно так же как мы пользуемся компьютером. А как мы работаем с компьютером? Мы вводим в него определенную информацию, и электронной системе не остается ничего другого, как производить действия в соответствии с заложенной в него программой. У компьютера нет эго, поэтому он не может сказать, что это его персональные действия. Человек наделен эго, поэтому ему приходится открывать природу своих действий на личном опыте.

Какой вид принимает информация, которую Первоисточник или Бог вкладывают в человека? Допустим, человеку приходит в голову мысль. Он так привык произносить слово “мое”, что тут же называет эту мысль своей, в то время как любая мысль, а также все, что он видит, слышит, осязает, все запахи, звуки и цвета, все вкусовые ощущения — это и есть Божественная информация. То, что человек видит или слышит, неподвластно ему, человек не знает, какая мысль придет к нему в следующую минуту. Все в нем — это вводимая в него извне информация. Мозг реагирует на нее в строгом соответствии с заложенной в него программой, а в результате его работы появляются действия и реакции, которые человек называет своими. Предположим, что свидетелями одного и того же события стали три человека, запрограммированные совершенно по-разному. Мозг каждого из них отреагировал на происшедшее, но в результате один человек разозлился, другой испытал сострадание, а третий испугался. Даже у трех мудрецов может быть разная реакция на одно и то же, потому что и по достижении мудрости основная программа каждой телесно-духовной единицы в основном сохраняется.

Сознание

Первая и основная концепция Рамеша состоит в том, что все, существующее в мире, есть Сознание.

Один царь как-то сказал мудрецу: “Я отдам тебе полцарства, если покажешь, где находится Бог”. На что тот ответил: “Я отдам царство вдвое больше твоего, если укажешь, где Его нет”.

В те дни, когда земля была разделена на много маленьких государств, в одном из них случился праздник, на котором должны были собраться царь, министры и все важные люди. Каждому было указано место за столом, соответствующее его рангу. На самом почетном месте стоял трон, и главный министр ожидал только прибытия царя, чтобы начать церемонию. Вдруг в зал вошел одетый в лохмотья суфий. К ужасу главного министра, он направился прямо к трону и уселся на него. “Что это ты тут делаешь?” — воскликнул министр. “Я сижу здесь, только и всего”, — ответил суфий. “Но ты не имеешь права сидеть на троне, потому что ты даже не главный министр, ведь главный министр — это я!” “Я выше, чем главный министр”, — сказал суфий. “Кто же ты тогда — царь?” — спросил главный министр. “Нет, я выше царя”. — “Ты император?” — “Я выше императора”. — “Ты пророк?” — “Нет, я выше пророка”. — “Ты Бог?!” — воскликнул доведенный до белого каления министр. “Нет, я выше Бога”, — сказал суфий. “Ничто не может быть выше Бога!” — “Ты прав, я и есть то самое Ничто”.

Невозможность узнать намерения Бога привела к интересному спору между Эйнштейном и Нильсом Бором.

Нильс Бор вместе с группой ученых — специалистов по квантовой механике принес теорию неопределенности ведущему физика страны Альберту Эйнштейну. Ученые попросили его рассмотреть теорию и высказать возражения, если таковые возникнут. Эйнштейн тщательно изучил ее и не нашел ни одной ошибки. (Теория неопределенности заключается в том, что в любой момент времени в океане Сознания есть определенное количество возможностей и вероятностей, но никому не дано знать, какая из них кристаллизуется в действие или мысль.) Эйнштейн признал, что не нашел в теории ни одного слабого места. “Но, — сказал он, — эта теория означает, что проникнуть в будущее нет никакой возможности. Подразумевается, что Бог играет со Вселенной в кости. А с этим я никак не могу согласиться”. Этот ответ был вполне в духе Эйнштейна. Тогда Нильс Бор возразил ему: “Бог не играет в кости со Вселенной. Вам может так казаться лишь потому, что мы не обладаем той полнотой информации, какая есть у Бога. Наша информация ограничена во времени, а в распоряжении Бога — вечность”.

У Рамеша в запасе множество способов показать, что все существующее в мире — это Сознание. Это Оно написало сценарий, и все, что получилось, — результат Его работы. Оно играет все роли в драме, именуемой жизнью, Оно испытывает всю радость и боль мира посредством инструмента, которым для Него является человечество. С самого

начала жизнь была сосуществованием взаимосвязанных противоположностей. Сценарий мироздания давно написан, фильм запущен, и все, что нам остается, — быть свидетелями происходящего на экране.

Однажды Раману Махарши спросили, реальны ли мифологические боги и богини. Его ответ был изумительно точен: “Да, они так же реальны, как и вы”.

Рамеш утверждает, что идея всеблагого и всемилостивого Бога — это всего лишь порождение нашего разума, образ, который люди создали себе сами. Человек молится придуманному им самим *Богу* и ожидает не только того, что Господь ответит на его молитвы, но и что ответ будет таким, каким человеку хочется.

Эта история о человеке, который, взбираясь на вершину горы, поскользнулся, упал, но успел зацепиться руками за край обрыва и повис на нем. Тогда он закричал, обращаясь к небесам: “Есть ли там кто-нибудь?” Ответа не было. Тогда он взмолился по-настоящему: “Есть ли наверху кто-нибудь, кто может помочь мне?” И услышал ответ: “Да, я помогу тебе, но только если ты будешь в точности исполнять то, что я скажу”. “Да, конечно, я сделаю все, что Ты велишь”, — воскликнул человек, висящий над пропастью. И тогда голос произнес: “Отпусти руки”. Наступила тишина. Прошла одна секунда. Две. А потом человек спросил: “А нет ли у вас на небе кого-нибудь еще?”

Рамеш говорит, что Бог ни рационален, ни иррационален, ни добр, ни зол. Когда я произношу слово “Бог”, я вовсе не подразумеваю под этим всеильную сущность, гораздо более могущественную, чем человек. Идея Бога пришла к людям, потому что они чувствовали себя беспомощными и нуждались в ней. Создав в своем воображении Бога, человек наделил его разными качествами: всемогущий, всезнающий, всеблагой. Придумав, что

Бог должен быть всеблагим, человек потом спрашивает его: “Господи, почему же ты создал страдания, нищету и войны?”

Один раввин очень гордился своей верой в Бога. То и дело он повторял: “Я верую в Господа”. И вот однажды случилось наводнение. Вода постоянно прибывала. В дом к раввину пришли люди и сказали: “Мы покидаем это место. Пошли с нами”. На что он ответил: “Нет, я остаюсь. Я верую в Господа. Он спасет меня”. Вода продолжала прибывать. К дому подплыла лодка, и люди, сидящие в ней, сказали: “Здесь есть еще одно место. Поехали с нами, ведь вода все прибывает”. Раввин ответил: “Нет. Я верую в Господа”. Лодка уплыла. Потом пришла другая, но раввин отказался сесть и в нее: он верил, что будет спасен Богом. Наконец, прилетел вертолет, и оттуда крикнули: “Эй, это твой последний шанс. Мы бросим веревку, по ней ты сможешь забраться сюда, больше помощи ждать неоткуда”. Но раввин отказался и на этот раз. Вода продолжала прибывать, и он, разумеется, утонул. Встретив на небесах Бога, раввин спросил его: “Я так верил в Тебя, Господи, как же Ты позволил мне утонуть?” На что Бог ответил: “Я трижды пытался спасти тебя: дважды по моей воле к твоему дому приплывали лодки, а потом я посылал даже вертолет”.

Природа реальности стала частью спора о Сознании. Люди исходят из того, что ощущения, получаемые с помощью органов чувств, а также субъективные переживания и есть реальность. Показывая, как Сознание действует через телесно-духовную единицу, Рамеш часто сравнивает человека с электрическим прибором, а Сознание с электричеством, приводящим этот прибор в действие:

Однажды, когда я был еще двенадцатилетним школьником, учитель физиологии повесил на доске диаграмму, которая показывала, что линза фотоаппарата при отражении объекта играет ту же роль, что и хрусталик человеческого глаза. Все это было очевидным. Но в тот момент что-то меня поразило. Учитель подошел ко мне и спросил: “О чем я сейчас говорю?” Я в точности повторил его слова. Несколько удивившись, он спросил: “О чем же ты тогда думал?” Я объяснил: “Чтобы в фотоаппарате изображение запечатлелось на пленке, кто-то должен нажать на кнопку. А кто нажимает на кнопку, чтобы человеческий глаз увидел предмет и отразил его на роговице?” Учитель очень разозлился и велел не задавать глупых вопросов. Гораздо позднее, слушая Махараджа, говорящего о том, что Сознание — это все, что существует в мире, что все действия и события — это Его проявления, я вдруг вспомнил о давнем уроке физиологии и сказал: “Теперь я знаю, кто нажимает на кнопку”.

Однажды Чжуан-цзы пришел к ученикам и сказал: “Я очень обеспокоен и нахожусь в смятении”. “Что случилось?” — спросили ученики. “Ночью мне приснилось, что я был бабочкой”. — “Учитель, но это всего лишь сон”. — “Когда я проснулся, то понял, что это всего лишь сон. Но кто я — Чжуан-цзы, которому приснилось, что он был бабочкой, или бабочка, которой сейчас снится, что она — Чжуан-цзы?”

“Майя” — это санскритское слово, обозначающее иллюзию, силу, маскирующую реальное и придающую видимость нереальному. Индуизм рассматривает все земное как майю, великую иллюзию и великую игру.

Когда я учился в школе, один очень образованный преподаватель однажды сказал: “Майя, майя, что за чепуха! Вы идете и ударяетесь головой об стену. Разве вы не расшибете голову? Где же тут майя?” Тогда я подумал, но не отважился сказать это вслух, потому что всегда был слишком робким: “А разве не может то же самое случиться во сне? Вы ударитесь о стену и расшибете голову, но все это произойдет во сне”.

Несколько лет назад мне в руки попал замечательный рассказ под названием “Колосс”. Позже кто-то сказал, что по нему снят фильм. Рассказ был о том, что Соединенные Штаты создали суперкомпьютер, который мог контролировать абсолютно все и даже принимать решения за президента. В конце концов после долгих совещаний глава страны нажал на пусковую кнопку и компьютер заработал. Первое, что он сказал: “Есть еще один”. И продолжал повторять: “Есть еще один, есть еще один...” Оказывается, в России тоже изобрели подобный компьютер. Их создатели связались друг с другом и решили соединить обе системы. Совместными усилиями США и Россия сделали “Колосс” — мощнейший компьютер, который мог контролировать все события и процессы, происходящие в мире. Если какой-нибудь человек или целая нация не соглашались с решениями “Колосса”, им давалось предупреждение, а потом следовало наказание, причем угрозы компьютера всегда выполнялись. Наконец, американский ученый, изобретатель суперкомпьютера, в ужасе спросил у своего детища: “Кто ты?” “Я Бог. И очень скоро ты привыкнешь к этой мысли”, — ответила машина.

В рассказе Маргарет Пауэрс “Следы”, который Рамеш приводит почти на каждом семинаре, больше сострадания и милосердия. Несколько раз я видела, как во время рассказа Учитель запинался и его глаза переполнялись слезами.

Одному хорошему, богобоязненному человеку приснилось, что они вместе с Богом идут по пустыне. Сон был метафорой жизни этого человека. По песку за путниками тянулись две цепочки следов. Но иногда одна цепочка следов исчезала. Человек заметил это и с удивлением спросил Бога: “Господи, почему, когда в моей жизни наступают особенно трудные времена, когда я нахожусь в горе и отчаянии, на песке остается только одна цепочка следов? Почему, когда я больше всего нуждаюсь в помощи, Ты оставляешь меня?” С огромным состраданием и любовью Бог посмотрел на человека и ответил: “Сын мой, действительно, когда в твою жизнь приходит несчастье, на песке остаются следы только одного из нас. Но это мои следы, потому что в это время я несу тебя на руках”.

Рамеш считает, что Сознание присуще миру явлений и одновременно превосходит его. Он иллюстрирует эту идею высказыванием из китайской философии Дао:

Сначала реки и горы были реальны, потом нереальны, а потом реки и горы снова стали реальны.

Сначала все это кажется путаницей. “Я” отлично от рек и гор. Затем наступает стадия, когда видимое кажется иллюзией, когда реки и горы уже не кажутся реальными. И наконец, когда “я” становится частью переставших быть реальными рек и гор, они снова превращаются в реки и горы. Круг завершен. Реки и горы воспринимаются как объекты реального мира и в то же время как проявления Сознания. Они реальны и в то же время нереальны, так как не могут существовать сами по себе.

Нет индивида, нет “Я”

Рамеш не устает повторять, что в действительности человеку доступно единственное знание: “Я семь”. Если “я” — это неявное утверждение себя как отдельного проявления Сознания, то “Я семь” — это само универсальное Сознание, присутствующее в каждой телесно-духовной единице. Когда знание “Я есмь” сменяется мыслью: “Я Джон”, — наступает разделение, порождающее зависимость, несчастья и страдания.

Одного суфия до смерти забили камнями *, и он был взят на небо. Некоторое время спустя человек, который был свидетелем смерти суфия, умер и попал в рай. Увидев там суфия, он пришел в негодование и спросил Бога: “Почему этот человек — здесь, на небесах, а фараон, который говорил то же, что и он, — в аду?” На что Господь ответил: “Фараон, утверждая, что он Бог, подразумевал себя, а когда Богом называл себя суфий, он думал обо Мне”.

*За то, что он называл себя Богом. — *Прим. ред.*

Рамана Махарши говорит, что в действительности необходимо выяснить только одно: кто же этот субъект, ищущий просветления. “Кто я?” “Кто стремится к просветлению?” “Кто хочет познать истину?” Если вы глубоко вникнете в суть этих вопросов, то непременно придете к выводу, что нет никакого субъекта, нет никакого “я”. Не так уж много людей способно безоговорочно принять эту идею. Рамана Махарши делит их на три категории: одних он сравнивает с камфорой, других — с сухой древесиной, а третьих — с сырой древесиной. Камфора воспламеняется от одной искры; чтобы зажечь сухое дерево, требуется тепло и время, а сырое дерево разгорается очень долго и то после огромных усилий.

Случай, приведенный ниже, показывает, как легко перепутать, где “я”, а где “не-я”:

Мои беседы посещал один очень образованный джентльмен. Он был школьным учителем, но очень рано ушел на пенсию, чтобы размышлять о природе реальности. Плодом его раздумий стало убеждение, что окружающая действительность — это всего лишь сон. Этот человек — его звали Гарри — начал свою речь словами: “Если я сплю...” Обычно я никого не перебиваю, но тут почему-то у меня вырвалось: “Гарри, это не вы не спите”. Он выглядел настолько потрясенным, что я какое-то время думал, что он обиделся. Потом стали задавать вопросы другие люди. Позже он подошел ко мне и сказал: “Рамеш, я получил все, что хотел”. Я ответил ему: “Это не вы видите сон, его видит Гарри. Вы тоже видите сон, но это не сон Гарри”. Больше я не слышал от него вопросов.

На каждом семинаре возникают вопросы, связанные с реинкарнацией, кармой и другими идеями, касающимися устойчивости и продолжения существования “я”. Появление этих вопросов обусловлено неспособностью человеческого разума представить, что его больше нет, что он не существует:

Будда ясно выразил эту идею: “Поскольку нет “я”, нет собственной личности, нет и переселения этой личности, но есть сущности и есть делящееся влияние этих сущностей. Есть совершаемые поступки, но нет деятеля. Нет переселения сущности. Нет личности, которую можно куда-то перенести. Но если раздался голос, то будет и эхо”.

Рамеш также цитирует высказывание Раманы Махарши:

На свете не существовало, не существует и не будет существовать реинкарнации — и это правда!

Свободная воля

“Я — индивидуальность, обладающая свободой выбора и действия”. Так говорит наше “я”. Ощущение независимости выбора и свободы поступка является основой личности. Рамеш говорит об этом так: “Ни один человек не может выбрать, когда и где ему родиться, мы получаем уже готовый набор генов и окружающие условия. И, конечно, мы не свободны в выборе смерти. Какое же у меня право думать, что между этими двумя уже предопределенными событиями — рождением и смертью — я могу делать, что хочу? Как

вообще мог возникнуть вопрос о свободе выбора? Есть ли у нас альтернатива подчинению воле Господа?

Свое отношение к идее свободной воли Рамеш выражает следующим образом: все, чему суждено свершиться, — сбудется, и повлиять на это человек не может;

Я расскажу вам, что однажды случилось с моим братом. Он спешил по срочному делу, как вдруг его окликнул приятель. Брат остановился, подождал, пока тот подойдет, и сказал, что очень спешит и потом позвонит ему. Это заняло несколько секунд. Затем брат пошел дальше. А чуть позже он увидел, как со строящегося здания сорвался огромный камень и упал впереди как раз на то место, где находился бы брат, если бы он не отвлекся на разговор с другом. Если бы не случайность, мой брат лежал бы, раздавленный камнем.

Арабский мудрец Моноим сказал: “Спросите себя, почему вам хочется спать, когда вы бодрствуете, и почему получается так, что вы бодрствуете, когда вам больше хотелось бы заснуть? Спросите себя: почему вы влюбляетесь, когда совсем не хотите этого? И когда вы глубоко вдумаетесь во все эти вопросы, то найдете единственно правильный ответ: человек не обладает свободой воли”.

Когда Раману Махарши спросили о свободе воли и предопределенности, он ответил: “Все, что происходит на свете, — предрешено”. Тогда один из присутствующих поднял руку и сказал: “Бхагаван, вот я поднял руку — это мое самостоятельное действие или оно тоже было предопределено?” “Оно было предрешено”, — ответил Рамана Махарши. Человек, задавший вопрос, был удовлетворен этим ответом и не стал задавать следующих, и, честно говоря, я не знаю, что сказал или сделал бы Рамана Махарши, если бы этот человек спросил: “Но почему? Я поднял руку, потому что сам решил сделать это”. Тогда подобный вопрос не был задан, но, если бы он прозвучал, я ответил бы на него очень просто: “Это только кажется, что вы подняли руку потому, что сами захотели”. Рамана Махарши говорил: “Каждое действие, каждый поступок предопределены”. Допустим, мы что-то услышали. Мозг реагирует на этот раздражитель. В данном случае его реакция была такой: “Как же можно сказать, что это не мое самостоятельное действие?” И вслед за реакцией мозга на слова: “Все в мире предопределено” — последовало чисто механическое действие — поднялась рука.

Рамеш говорит, что функция мозга не творчество, но восприятие. Он всего лишь реагирует на мысль или внешнее событие. Нейрохирург Бенжамен Либе сказал: “Мысль, которую мы считаем своей, появляется на полсекунды раньше, чем мы осознаем это”. То, что мы называем своим действием, в действительности реакция мозга на мысль или какое-нибудь внешнее событие, образ или звук. Мозг не может породить мысль, он может лишь воспринять ее. Мысль может прийти только от Сознания, только от Бога.

Недавно я прочел доклад британского астрофизика Фреда Хойла. Он рассказывал, что, когда принимал участие в научной конференции, проходившей в Париже, его интересовала одна проблема, над которой он безуспешно бился много дней и ночей. Решение пришло неожиданно, когда он переходил одну из парижских улиц. Оно просто возникло в сознании, и Хойл ничуть не усомнился в его правильности и даже

не поспешил сразу же в гостиницу, чтобы записать его. Только вечером в гостинице он изложил в математических терминах решение, которое так неожиданно его озарило.

Рамеш говорит, что каждая телесно-духовная единица наделена присущими только ей качествами, характерными чертами, особенностями, которые позволяют свершиться тому, что должно:

Кто может совершать любые действия и поступки? Только Первоисточник. И потому может свершиться любое действие, даже убийство. Когда был застрелен премьер-министр Израиля, юношу, совершившего покушение, спросили: “Почему ты убил его?” Прозвучавший ответ был лучшим, самым точным и правильным на моей памяти: “Это велел мне сделать Бог”.

Говоря о программе, которой обладает каждая телесно-духовная единица, Рамеш часто приводит такую шутку:

Один человек пришел в бар. Бармен предложил ему напиток. “Не хочу, я один раз уже пробовал, мне не понравилось”. Бармен предложил сигарету. “Не надо, я однажды попробовал, мне не понравилось”. Потом мужчина добавил: “Подождите, через минуту сюда придет мой сын, вот он и покурит, и выпьет с вами”. “Наверняка у вас единственный сын”, — заметил бармен.

Независимо от того, каким способом человек расстается с жизнью; умирает ли он естественной смертью, в результате несчастного случая, насилия или кончает жизнь самоубийством, — его смерть тоже запрограммирована. Много лет назад ко мне пришел полицейский. Этот человек был слишком чувствителен для столь сурового занятия, заложенная в нем программа не была рассчитана на подобную профессию. В результате у него случилось психическое расстройство. К счастью, правительство признало, что служба для этого человека — слишком тяжелое испытание, и он вышел на пенсию. Бывший полицейский рассказал мне историю о том, как однажды он, сидя в гостиной, доведенный до отчаяния, не в силах больше переносить такую жизнь, решил застрелиться. Он пошел к шкафу, где хранилась винтовка, как вдруг услышал голос, который отчетливо произнес: “Не делай этого!” В этом голосе была такая властная сила, что человек остановился и не смог довести начатое до конца. Ему не суждено было покончить жизнь самоубийством.

Раньше тюленей в Арктике истребляли самым жестоким образом. Джидду Кришнамурти увидел по телевизору сцену убийства тюленей и подготовил выступление, в котором сказал, что зрелище было настолько непереносимым для его чувств, что он переключил программу. Ту же самую сцену увидела знаменитая актриса Бриджит Бардо и потеряла сон. Она организовала целое движение против жестокого обращения с тюленями, которое стало настолько сильным, что практика истребления бельков, детенышей тюленя, ударом по голове была запрещена правительством. Задача Кришнамурти не заключалась в том, чтобы он играл активную роль в этой истории, в то время как Бриджит Бардо должна была всецело включиться в процесс.

Говоря о свободе воли, Рамеш часто вспоминает эксперименты Стэнли Милгрима, которые показывают, как легко люди поддаются влиянию:

Несколько лет назад на факультете психологии Йельского университета был проведен ряд в высшей степени оригинальных экспериментов под руководством Стэнли Милгрима. Их цель заключалась в том, чтобы выяснить пределы подчинения обычного человека авторитету, если ему прикажут причинить серьезную боль невинной жертве посредством электрического тока. 39 психиатров пришли перед началом эксперимента к общему мнению, что, когда жертва, профессиональный актер, начнет просить пощады, большинство людей не поднимут напряжение больше 150 вольт. Они предполагали, что только 4 процента позволят напряжению достичь отметки 300 вольт, и только один из тысячи, обладающий патологической жестокостью, доведет напряжение до крайней точки — 450 вольт. На самом деле более 60 процентов испытуемых, подчиняясь указанию руководителя эксперимента, продолжали поднимать напряжение до 450 вольт, причиняя жертве максимальные страдания. Причем человек, проводящий эксперимент, не имел реальной власти над добровольцами, согласившимися в нем участвовать, — власти, какой обладает, например, офицер в армии или даже школьный учитель. Им просто сказали, что этот эксперимент ставится ради высоких, благородных целей.

В другой серии экспериментов испытуемым говорили, что они могут сами выбрать любой уровень напряжения. Откровением было то, что почти все выбрали минимальное напряжение. Средняя цифра, высветившаяся на панели приборов, составила 54 вольта. Первые жалобы жертвы должны были начинаться только с 75 вольт. Предоставленные самим себе, испытывая чувство ответственности, добровольные участники эксперимента не захотели причинять жертве серьезную боль. Но в предыдущих экспериментах под влиянием авторитетного лица они подняли напряжение до 450 вольт. В итоге было установлено, что эти люди не обладали врожденной агрессивностью, сделавшей из безобидных граждан любителей пыток. Причиной жестокости стала всепоглощающая преданность идее, которую олицетворял руководитель эксперимента. Стремление как можно лучше выполнить высокую задачу вызвало и ускорило изменение моральных установок, отменило личную ответственность, заменило индивидуальный поведенческий код на код более высокой иерархической структуры.

В результате этих экспериментов Милгрим пришел к следующему заключению: “Возможно, мы получили очень важный урок. Обычные люди, просто выполняя свой долг, без малейшей враждебности со своей стороны, могут стать активными участниками страшных, разрушительных действий. Более того, даже если ужасные результаты становятся совершенно очевидными, но при этом их просят продолжать деятельность, несовместимую с основными понятиями морали, то лишь относительно небольшое число людей находят необходимый внутренний ресурс для сопротивления авторитету. Есть некая ирония в том, что такие высоко ценимые добродетели, как преданность, дисциплинированность, самопожертвование, — и есть те самые качества, которые создают разрушительную машину войны и служат авторитарным системам, творящим зло”.

Начиная каждый семинар, Рамеш говорит, что все, кому было суждено, присутствуют на нем, а тех, кому не суждено, здесь нет.

Когда я высказал эту мысль на семинаре в Аспене (штат Колорадо), один человек не смог удержаться от смеха. Все обернулись. Он смутился и сказал: “Извините, я не

хотел никому мешать. Но позвольте объяснить причину моего веселья”. Оказывается, что буквально за день до начала семинара он летел на самолете из Нью-Йорка в Денвер. Полет был очень долгим, и вскоре ему стало нечего читать. Он заметил, что сосед все время сидит, уткнувшись в какую-то книгу. Когда тот на время покинул свое место, человек взял книгу, начал читать и так углубился в нее, что не заметил, как вернулся сосед. Почувствовав себя очень неловко, он извинился, но сосед успокоил его, сказав: “Я читал эту книгу уже несколько раз, так что читайте, сколько душе угодно”. Проведя за книгой полчаса или час, он сказал соседу: “Я хотел бы встретиться с автором”. “На самом деле? А я как раз еду на встречу с ним!” — воскликнул сосед. Этот человек не поехал в Денвер, а купил билеты на ближайший рейс до Аспена. “И вот я здесь”, — заключил он и добавил, указывая на сидящего рядом мужчину: “А это мой сосед по самолету”.

Одна женщина спросила меня на семинаре: “Почему вы здесь?” Она не желала показаться дерзкой и поэтому говорила тихо, почти неслышно, так что я был вынужден переспросить. “Почему вы здесь?” — повторила женщина. В действительности ей хотелось знать, что привело на семинар ее, почему она оказалась на нем. Я ответил: “Я нахожусь здесь по той же простой причине, что и вы. Ни я, ни вы не могли бы в эту минуту быть в какой-то другой точке земного шара. Мы должны были быть именно здесь”. И тогда она рассказала, что вовсе не предполагала попасть сюда. Она планировала поехать совсем в другое место, но каким-то образом получилось так, что она оказалась на семинаре. Ее другу, который очень хотел попасть на семинар, помешали какие-то обстоятельства, а она, сама того не ожидая, очутилась здесь. То, что она услышала на семинаре, оказало на нее сильное воздействие, женщина растерялась, ее внутренний голос спросил: “Почему я здесь? О чем здесь говорят? Как я сюда попала?” Однако первый импульс был дан, что-то внутри нее изменилось.

Говоря о свободе воли и предопределенности, Рамеш утверждает, что каждое событие на самом деле уже совершилось. Чтобы слушатели лучше поняли эту идею, он предлагает вообразить огромное полотно в десять миль длиной и более пятисот футов шириной: при всем старании невозможно охватить взглядом всю нарисованную на нем картину, все равно будет видна лишь ее часть. Так и наше видение действительности: оно все равно будет ограничено.

В “Бхагавадгите” Арджуна спросил Кришну: “Я вижу перед собой родственников и наставников — и они мои противники. Но как я могу решиться убить их?” На что Кришна ответил ему: “Ты можешь отказаться от битвы, но это недостойное решение. Ты родился и воспитывался воином, и тебе нельзя уклониться от битвы. Ты можешь решить не сражаться, но это тщетно. Я уже убил твоих врагов. Итак, выиграй битву и пожинай плоды победы”.

Математик Стивен Хокинг написал эссе под названием “Неужели все предопределено?” (“Is Everything Predetermined?”). Это очень интересная статья, но больше всего мне запомнился последний абзац: “Неужели все предопределено? Ответ — да. Но от этого мало толку: ведь человеку не дано знать, что же именно его ожидает”.

У одного мастера дзэн был внук, любивший послушать своего дедушку. И вот однажды он разбил хрустальную вазу, которой дед очень дорожил. Не дожидаясь, пока это обнаружат, мальчик сам подошел к деду и спросил: “Помнишь, ты говорил, что всему на свете есть срок?” “Да, верно”, — согласился мастер. “Так вот, срок жизни твоей любимой хрустальной вазы уже истек”.

А вот любопытная история о великом прорицателе Нострадамусе. Один местный граф прослышал о славе предсказателя и пригласил его отобедать с несколькими друзьями. На самом деле граф хотел выставить Нострадамуса обманщиком и мошенником, а для этого приказал повару подслушать, что будет говорить гость, и сделать наоборот. Перед началом обеда граф сказал Нострадамусу: “У моего повара есть белая свинья и есть черная. Какая из них, по-вашему, попадет сегодня на стол?” “Белая”, — ответил прорицатель. Услышав это, повар поспешил на кухню и начал готовить черную свинью. Когда блюдо было подано на стол, граф спросил, из какой свиньи оно приготовлено. “Из белой”, — сказал повар. Его хозяин был поражен: “Но ты же собирался приготовить черную!” “Да, я ее и приготовил. Но откуда ни возьмись прибежали два волка и унесли ее. Так что мне пришлось приготовить белую. Поэтому обед немного запоздал”.

На одном из семинаров Рамеш сказал: “У меня для вас одна хорошая новость и одна плохая. Вы не можете ни на что влиять — это плохая новость. Но не забывайте и хорошую: если вы действительно всем сердцем примете идею о том, что все события происходят вне вашей воли, что жизнь неподконтрольна вашему “я”, тогда исчезнут чувство вины, гордыня, зависть и ненависть”.

Рамеш отмечает, насколько различна реакция людей на осознание того, что они не обладают свободой воли:

Однажды на семинаре речь зашла о том, что у людей нет свободы воли. Справа от меня сидела женщина из Голландии, а слева — из Америки. Как только я остановился, с правой стороны послышалось: “Какое потрясающее ощущение свободы!” И тут же, почти на одном дыхании, американка, сидящая слева, произнесла: “Какое ужасное чувство беспомощности!”

Во время дискуссии о свободе воли люди часто задают похожие, легко предсказуемые вопросы или же Рамеш сам заводит разговор об этих предметах: “Если предположить, что все поступки, совершающиеся через определенную телесно-духовную единицу, на самом деле предопределены Богом, то есть не являются личными действиями, ум сразу же приводит несколько возражений: “Во-первых, если я не могу совершать свободные поступки, зачем мне вообще что-то делать? Почему я не могу оставить все как есть?” На это Рамеш отвечает: “Вы не можете оставаться бездейственными, потому что каждая телесно-духовная единица обладает определенной энергией, которая не позволяет находиться без движения”. Второе возражение обычно звучит так: “Если никто ни за что не отвечает, почему бы мне не пойти и не убить кого-нибудь?” Но совершить убийство не так-то просто. Если склонность к насилию не заложена изначально, тогда вы просто не сможете его совершить. Есть и третье возражение: “Почему я должен нести наказание за поступки, которые на самом деле совершает Бог?” Но ведь если любое действие производится Богом через определенную телесно-духовную единицу и неподконтрольно

ей, тогда и последствия поступков будут строго соответствовать предрешенной участи каждого человека:

Основное учение Рамакришны Парамахамсы — бхакти, но в его глубине просматриваются идеи адвайты. Однажды какой-то мужчина попросил Рамакришну: “Я простой человек и хочу, чтобы мне сказали, что я должен делать. Можете ли вы сказать мне просто и понятно, как мне прожить свою жизнь?” Ответ был поразительно прост: “Пойми и полностью прими, что ты — всего лишь орудие Господа, и делай тогда, что хочешь”.

И последний вопрос: “Что же мне теперь делать?” Ответ на него предельно прост: “То же, что и всегда”.

У американского поэта Э. Э. Каммингса есть прекрасные строки: “Если можешь — просто будь. Если нет — не унывай, прими на себя мирские заботы, выполняй их, пока не свалиться с ног”.

Рамеш говорит, что человек должен поступать так, как будто обладает свободой воли. Но, конечно, свободная воля — это иллюзия. Мы можем принимать те или иные решения, но не в состоянии предвидеть их результат:

Представьте, что вы нашли где-нибудь на чердаке много денег, обрадовались, но, когда решили их потратить, обнаружилось, что это подделка. Свободная воля — такой же обман, как и эти фальшивые деньги.

“Я”, или Эго

Рамеш говорит, что здоровое эго “осознает свое несовершенство, а также то, что мир состоит из взаимосвязанных противоположностей”. Он утверждает, что “я” и свободная воля — синонимы. По мере того как углубляется понимание того, что на свете не существует свободы воли, ослабевает наше “я”:

Сознание отождествляется с каждой телесно-духовной единицей посредством механизмов ума. Эго и есть истинная причина разделения, но это не должно вменяться в вину человеку. Эго должно быть признано частью действующей Всеобщности. Разделение порождает чувство независимости. Сознание, породив разделение, создало также и иллюзию ответственности — не только за окружающий мир, но и за себя само.

Следующие истории иллюстрируют врожденную способность разума судить и разделять. “Чем сильнее эго, тем крепче его вера в себя, в свое всезнание, к то, что оно — причина всего происходящего, и тем труднее ему признать свою ограниченность”.

Один царь захотел жить вечно. Он пообещал отдать свое царство тому, кто сможет сделать его бессмертным. Наконец, пришел один мудрец и сказал, что у него есть эликсир бессмертия. Тот, кто будет пить его, никогда не умрет. Но эликсир, будет действовать при одном условии: его нужно принимать дважды в день, не думая при этом об обезьяне.

Один буддийский мастер прочел ученикам прекрасный текст, который растрогал всех. Ученики сразу же спросили: “Кто написал его?” “Если я скажу, что это Будда, вы будете благоговеть перед текстом, возлагать каждое утро на него цветы и отдавать поклоны. Если я скажу, что этот текст написал патриарх, вы будете испытывать большое почтение, но уже не будете преклоняться перед ним так, как перед текстом Будды. Если я скажу, что автором был монах, вы, пожалуй, растеряетесь. А если узнаете, что текст написал наш повар, вы просто посмеетесь”, — ответил учитель.

На беседы к Махараджу приходил необычайно способный человек: он всегда был первым в классе и лучшим на каждом экзамене — от начальной школы и до защиты ученой степени. Махарадж знал о его достижениях и поэтому просто всплеснул руками, когда этот человек сказал: “Я верю вашим словам, что это высшее состояние, которого может достичь человек, но как узнать, подойдет ли оно мне?” Позже Махарадж сказал мне: “Как так может быть — не понимаю! Как человек, обладающий таким интеллектом и такими познаниями, мог задать подобный вопрос, забыв о сути? Ведь в том состоянии не может быть никакого “я”, задающего такой вопрос”.

Рамеш говорит, что “реакции эго зависят от его программы и внешних условий. События происходят в соответствии с предначертанной ему судьбой и заложенной программой”:

Два человека идут вместе по дороге. И вдруг видят женщину, к которой пристаёт какой-то мужчина. Один из этих людей робок — в соответствии со своей программой. Он будет колебаться. Другой в соответствии со своей программой — смел. Он попытается защитить женщину, ударит того, кто пристаёт к ней, и ракиет его. Затем он предстанет перед судьями и присяжными. Если он — обычный человек, то подумает: “Зачем я вмешался?” Но в действительности у него не было выбора. Если человек окажется достаточно мудрым, он будет спокоен, зная, что судьба каждого — быть там, где он в данный момент находится. И примет то, что случилось, как должное.

Степень сосредоточения эго на самом себе заслуживает отдельной истории. “Желания человека, даже находящегося на очень высоком уровне развития, эгоистичны. Когда он утверждает, что хочет для целого мира того же, что и для себя, то думает, будто бы достиг невиданной степени альтруизма. Но человек все равно эгоистичен, он размышляет со своей точки зрения и не может встать на позицию миллионов других существ, населяющих земной шар”.

Недавно я прочитал несколько историй о свами Нитьянанде, Махарадже из Ганешпура, расположенного в пятидесяти милях от Бомбея. Он был гуру более известного свами Муктананды. Вокруг свами Нитьянанды всегда собиралось много людей, и каждый приносил цветы или фрукты. Вечером он говорил своему помощнику, в какой храм их нужно отнести или каким людям отдать. Однажды случилось так, что часть фруктов осталась на ночь и в жарком индийском климате они испортились. На следующее утро помощник пожаловался: “Смотрите, вы не сказали, куда отправить фрукты, они пролежали здесь всю ночь и испортились”. Я

был поражен ответом Нитьяланды: “Не беспокойся. Фрукты отправились туда, куда им суждено было отправиться”. (То есть на корм червям!)

Еще одним свойством эго Рамеш считает боязнь перемен, а ведь изменчивость — неотъемлемое свойство реальности.

Там, где я живу, раньше была одна большая квартира, которую мы с братом превратили в две поменьше. У нас была прекрасная веранда под открытым небом. За исключением трех месяцев сезона дождей, мы проводили на этой веранде практически все утра и вечера. Особенно нам нравилось сидеть на ней по вечерам. Сверху над верандой нависал слой цемента, наподобие крыши, и, когда во время бури в щели проникал воздух, раздавался пронзительный пугающий звук. Нам казалось, что в один прекрасный день эта несчастная крыша сорвется с веранды и улетит прочь. Эта мысль приходила в голову постоянно. И вот однажды во время бури часть крыши действительно унесло ветром! Я стоял там и видел, что произошло. Жена собралась звонить, но я сказал ей: “Зачем впадать в панику? Зачем сообщать миру, что часть нашего дома осталась без крыши?” Когда случается то, о чем заранее думаешь как о бедствии, понимаешь, что ничего особенного не произошло. Конечно, без навеса дождь стал попадать на веранду и нам пришлось убрать мебель, но это было далеко не конец света.

Большинство наших страхов основано на воспоминаниях и является чистейшими плодами воображения. На семинаре в Южной Индии один человек сказал мне: “Я прожил ужасную жизнь. Почти ничего в ней так и не случилось!”

Думающий разум и действующий разум

Чтобы помочь людям разобраться в путанице, возникающей при определении различных состояний бытия, Рамеш разработал концепцию думающего разума и действующего разума. Действующий разум озабочен исключительно выполнением текущей задачи. Думающий разум озабочен последствиями. И в этом заключается огромная разница между ними: думающий разум препятствует работе действующего. Первый и есть эго, тогда как второй эго не является. Когда человек достигает Просветления, Самореализации или Абсолютного Понимания, он не может обходиться без действующего разума, иначе эта телесно-духовная единица попросту не сможет действовать.

У правоверных есть поговорка: “Веруй в Аллаха, но не забывай привязывать верблюда”. В современном варианте она могла бы звучать так: “Молись Богу, но всегда запирай машину и не оставляй в ней ключи”.

Не так давно я прочитал историю про Уинстона Черчилля. Его скаковой жеребец должен был одержать победу на дерби, но не оправдал надежд и пришел четвертым. Черчилль нашел этому оправдание: “Я знаю, почему мой жеребец не выиграл. Перед скачками я подошел к нему и пообещал, что, выиграв дерби, он уже никогда не будет участвовать в соревнованиях и проведет всю оставшуюся жизнь в компании

очаровательных молодых лошадок. Это и было моей ошибкой. Жеребец и думать забыл о скачках”.

Я думаю, что в любой области жизни наибольших успехов достигают те люди, которые не обязательно обладают исключительными способностями или блестящими профессиональными навыками, но у которых по милости Божьей думающий разум не мешает действующему — такова их программа. Знаменитый балетный танцор Нижинский говорил: “Лучше всего я танцую, когда меня здесь нет”.

Концепцию думающего разума и действующего разума иллюстрирует любимая (судя по тому, как часто он ее рассказывает и какое удовольствие от этого получает аудитория) история Рамеша:

Раньше были популярны герои американских комиксов Матт и Джефф. Не знаю, есть ли они сейчас, я их давно уже не видел. Думаю, тот, что маленького роста, — это Матт, а высокий — Джефф. Джефф был за рулем машины, когда ребята пытались доехать до вершины холма. Автомобиль еле полз, Джефф даже наклонился вперед, пытаясь ему помочь. Наконец, когда они с большим трудом достигли цели, Джефф сказал: “О, Матт! Как это было страшно! Машину могло повести назад, и тогда мы бы опрокинулись!” “Ты зря беспокоился, — ответил Матт, — я все время жал на ручной тормоз”.

Отстраненное наблюдение

“Отстраненное наблюдение предполагает неучастие, эмоциональную невовлеченность в окружающий мир. Чтобы войти в состояние отстраненного наблюдения, достаточно сделать совсем небольшое интеллектуальное усилие”. Рамеш показывает, чем отличается отстраненное наблюдение от других состояний бытия:

В Бомбее по утрам, около одиннадцати часов, ко мне обычно приходил Генри Деннисон. Поскольку дверь всегда была открыта, он поднимался на лифте и проходил в комнату, где я ждал его. Однажды, войдя ко мне, Генри увидел, что я сижу в кресле-качалке с закрытыми глазами. Он на цыпочках пробрался к своему месту и стал ждать. Не знаю, сколько это длилось, может быть, всего несколько минут, но когда я открыл глаза, то увидел сидящего перед собой Генри, который тут же произнес: “Прежде чем мы начнем беседу, опишите, пожалуйста, состояние, в котором вы находились, когда я пришел”. “Я не задумывался об этом, но сейчас, после твоего вопроса, полагаю, что со мной происходило то же, что и всегда. Если есть предмет для отстраненного наблюдения, я постоянно нахожусь в этом состоянии. Но когда предмета нет, состояние отстраненности углубляется: звуки, запахи, уличное движение ощущаются совсем отвлеченно, они скользят по краю сознания и не вызывают почти никакой реакции. Когда же появляется необходимость, переход от полного самоуглубления в состояние отстраненного наблюдения совершается очень мягко, как автоматическое переключение скорости в автомобиле. Оно происходит произвольно и очень плавно, почти незаметно. Если

же самоуглубление не прерывается в течение длительного времени, тогда звуки и запахи, которые раньше все-таки отмечались сознанием, исчезают совсем. Вот что со мной происходило”, — ответил я. Любопытно, что в тот же день мне попалась великолепная книга Раманы Махарши. Я открыл ее и тут же наткнулся на эпизод, прочитав который, навсегда исключил из своего лексикона слово “случайность”. Вот что я прочел: один человек спросил Раману Махарши: “Иногда я впадаю в состояние, при котором все звуки и запахи воспринимаются очень слабо и отстранение. Скажите, пожалуйста, это самообман или это хорошо?” “Это как раз то естественное состояние, к которому надо стремиться”, — ответил Рамана Махарши.

Двери моей квартиры никогда не запираются, друзья и соседи обычно просто открывают их и заходят внутрь. Прямо перед входом висит зеркало, в котором отражаются все входящие и выходящие, и я, сидя в кресле-качалке, могу видеть их реакцию, которая, как правило, оказывается очень интересной. Открыв дверь и войдя в квартиру, человек видит себя в зеркале, но в первые секунды не реагирует на это, поскольку находится в состоянии отстраненного наблюдения. Затем, сделав один или два шага, он понимает, что это его отражение, и вздрагивает. Включается ум, сосредоточивается внимание, и состояние отстраненного наблюдения исчезает.

В качестве примера отстраненного наблюдения Рамеш приводит реакцию ребенка: “Обратите внимание на выражение лица младенца, когда он доволен — сыт, спокоен, завернут в чистые сухие пеленки. Его взгляд нельзя назвать бессмысленным, ребенок просто наблюдает за тем, что попадает в поле зрения, и непосредственно реагирует на это: если вы скорчите ему рожицу — он заплачет, если улыбнетесь — он засмеется в ответ. И улыбка, и плач — всего-навсего ответ телесно-духовной единицы на внешнее событие. Ребенок не подумает: “Этот бородатый дядя пугает меня, а вот тот, другой, хороший и совсем не страшный. Дай-ка я ему улыбнусь”. Ребенок не будет так рассуждать, его реакции непосредственны”, Рамеш часто рассказывает историю о том, какой научился отстранение воспринимать боль:

Много лет назад мне сделали операцию по удалению аппендикса. Это было в 1948 году, еще до того, как у меня появился первый гуру. Хирург предупредил, что будет больно, но в случае необходимости медсестра сделает обезболивающий укол, так что у меня все будет в порядке. Я испытал чувство облегчения, узнав об этом, и вдруг в голову закралась мысль: “Дай-ка я посмотрю, какая будет боль”. И когда я почувствовал боль, я подумал: “Так, началось”. Не было никакой паники, может быть потому, что я знал: физические страдания можно прекратить в любой момент, попросив лекарство. Скорее всего, сознание этого и помогло пройти эксперимент до конца. Я спокойно и отстранение переносил постепенно усиливающуюся боль, пока наконец она не стала равномерной. И тогда я подумал: “А ведь если бы я испытывал подобные страдания постоянно, с самого рождения, то привык бы к этому, боль стала бы частью меня самого”. Операция была сделана в восемь часов утра, а мой опыт по отстраненному восприятию боли продолжался до шести часов вечера, пока не пришла медсестра с ужином и не сказала, что может сделать обезболивание, чтобы я заснул. На что я ответил: “Хорошо, так и быть, мой эксперимент завершен”. Медсестра сообщила об этом хирургу. “Я и не представлял, что у вас такая способность переносить болевые ощущения”, — удивился врач. “Доктор, я всю жизнь был уверен, что мой болевой порог гораздо ниже, чем у других”, — ответил я.

Следующая история показывает, по словам Рамеша, “реакцию на реакцию”, т. е. то, как думающий разум вмешивается в состояние отстраненного наблюдения:

Один мой друг потерял жену, с которой прожил пятьдесят пять лет. Когда через десять или двенадцать дней после похорон я навестил его, мой друг был все еще вне себя от горя. А ведь он сорок лет читал мудрые книги и думал, что достиг Понимания. Он сказал мне: “Все, что я прочел за эти долгие годы, все мое знание оказалось бесполезным, когда пришла настоящая беда и вся моя жизнь рассыпалась в прах”. После смерти жены он почти обезумел от горя, а сочувствие людей, приходивших разделить скорбь моего друга, только усиливало страдания. Он сказал: “И теперь, когда ты здесь, я все равно умираю от горя, хотя после ее смерти прошло уже почти две недели. А я думал, что стал джнани*, что достиг Понимания”.

* Джнани — человек, следующий в духовном поиске путем высшего знания (джнаны). — *Прим. ред.*

Говорить с ним тогда на эту тему было все равно что добивать раненого, поэтому я промолчал. Но как только вернулся домой, тут же написал ему длинное послание, закончив его так: “Надеюсь, что вы дочитали это письмо. Простите меня за дерзость и выбросьте его”. Письмо появилось в результате почти безотчетного порыва. Вот что я написал: “Горе, охватившее вас после смерти жены, — это нормальная реакция любой телесно-духовной единицы. Вы потеряли любимую женщину — что же еще вы должны были чувствовать, кроме боли и скорби? Ваши чувства абсолютно естественны и произвольны. Скорее всего, неправильной была ваша реакция на собственные чувства: “Я считал себя джнани, и вдруг разрываюсь от горя”. Это неправильная реакция. Она показала, что мой друг еще не достиг должной глубины Понимания. Далее я написал: “Если бы вы любили свою жену не так сильно, то, наверное, гораздо легче перенесли бы ее смерть и, пожалуй, подумали бы: “Я джнани. Смерть моей жены не так уж потрясла меня. Я принял ее как то, чему суждено было свершиться”. Но это случилось бы вовсе не потому, что вы — джнани, а потому что вы любили бы свою жену недостаточно!”

Понимание ребенка

Детей подчас посещают поистине удивительные прозрения. Рамеш часто рассказывает историю о своей внучке:

Акшата была очень живым, беспокойным ребенком. Однажды ее мама, не выдержав, сказала своей умной и сообразительной дочке: “Посмотри, Акшата, как к вечеру я устала от тебя. Нужно придумать что-нибудь, чтобы ты не утомляла меня до такой степени. “Да, мамочка, я сделаю все, что ты хочешь”, — согласилась девочка. “Сейчас я тебя искупаю, а потом ты пойдешь в свою комнату, тихонько посидишь в ней пять минут и все это время будешь молиться Богу, чтобы он сделал тебя хорошей девочкой”. — “Хорошо, я так и сделаю!” Акшата ушла в свою комнату, вернулась через пять минут и сказала: “Мамочка! Я молилась. Я так не хочу, чтобы ты уставала, что молилась очень усердно”. Но на следующий день ничего не изменилось. Мама укорила Акшату: “Дочка, а я думала, что ты молилась!” “Мамочка, я так горячо молилась! Но если Бог не сделал меня хорошей

девочкой, значит, он или ничего не может со мной поделаться, или я нравлюсь ему такой, какая есть!”

В Лос-Анджелесе у нас была чудесная повариха. Кухня находилась на открытом воздухе, так что мы могли слышать слабое позвякивание кастрюль и шипение масла на сковородках, а повариха, в свою очередь, слышала наши беседы. Я часто видел, как она выходила из своего закутка, чтобы постоять и послушать беседу. Тогда я обычно рассказывал про случай со своей внучкой и про озарения, которые бывают у детей. На одной из бесед, поскольку в предыдущие дни я повторял историю со своей внучкой три или четыре раза, я решил было обойтись без нее, как вдруг наша повариха, которая знала, что в этом месте я обычно рассказываю эту историю, воскликнула: “Расскажите им о внучке! О внучке-то расскажите!”

У одной женщины, Евы-Марии, было четверо детей. До пяти часов вечера с ними сидела Карен — ее наняли следить за детьми и помогать по хозяйству. Однажды Карен сказала своей хозяйке: “Знаете, что сегодня заявил Филипп? Что мы все спим, а проснемся только после смерти”. Филиппу было тогда пять или шесть лет. “Тут что-то не так”, — подумала мать.

Вытирая сына полотенцем поело вечернего купания, она спросила: “О чем вы говорили с Карен?” “Да о чем мы только не говорили”, — ответил мальчик. “О сне и пробуждении”, — напомнила мать. “Ах, да. Я сказал Карен, что мы все спим, а проснемся только после смерти”, — слово в слово повторил Филипп. “Кто тебе это сказал?” — заинтересовалась мать. Сын посмотрел на нее с такой укоризной, взгляд его выражал такое сожаление, что мама задает настолько глупый вопрос, но все-таки ответил: “Бог, кто же еще!”

Когда Рамеш рассказал об этом случае в Голливуде, один человек поделился похожей историей:

У женщины было двое детей: новорожденная девочка и мальчик трех лет от роду, который уже хорошо ходил и говорил. Однажды мать увидела, как он сидит у колыбели сестренки и просит ее: “Расскажи о Боге, а то я что-то стал забывать”.

Идеи

“Помните, что любые мысли, утверждения или понятия — это лишь идеи. Они необходимы, не бойтесь применять их на практике, — говорит Рамеш и цитирует Раману Махарши: — “Воспринимайте идею как щепку, с помощью которой вы извлекаете другую, вонзившуюся вам в ногу. Как только заноза вытащена — отбросьте обе щепки прочь”. Тогда вы освободитесь от идеи. Если же вы станете носиться с идеей, лелеять ее, тогда на нее будет наслаиваться масса других, под грузом которых трудно будет увидеть правду. Так что, пожалуйста, пользуйтесь любой идеей, но, воспользовавшись, отбросьте ее прочь”.

Человеческому уму сложно увидеть, что противоположности связаны между собой, что они находятся друг с другом в самых разнообразных отношениях. Обычно ум видит только одну из них, и тогда истинная, сложная природа явлений не видна:

Два монаха были такими заядлыми курильщиками, что это мешало им медитировать. Они обсудили между собой эту проблему и, поскольку не пришли к определенному заключению, решили обратиться к своим наставникам. На следующий день они встретились и рассказали друг другу, что произошло. “Мой учитель очень рассердился, что я посмел обратиться к нему с таким вопросом”, — сказал один монах. “Вот это да! — воскликнул другой. — А мой наставник, когда я спросил, можно ли мне молиться, когда я курю, ответил: “Конечно, сын мой!”. — “А ты как спросил?” — “Я спросил, можно ли мне курить, когда я молюсь...”

Взаимосвязь противоположностей

“Когда разум пытается привыкнуть к мысли, что свободы воли не существует, может возникнуть еще один вопрос: “А что, если я ренту быть независимым и самостоятельным?” Но это будет не ваш выбор, а одно из действий Всеобщности. Если вы примете эту идею, тогда все проблемы и трудности исчезнут сами собой. В ином случае проблемы будут только множиться, как грибы после дождя. И чем дальше, тем больше будет препятствий, ведь жизнь — это взаимодействие противоположностей. Абсолютно бесполезно ожидать, что впереди будет только хорошее”.

Один суфий говорил: “Будьте скромными — ведь вы слеплены из праха. Будьте величественными — ведь вы сотворены из звездной пыли”.

Рамеш любит это изречение Лао-цзы:

Когда все в Поднебесной узнают, что прекрасное является прекрасным, появляется и безобразное. Когда все узнают, что добро является добром, возникает и зло. Поэтому бытие и небытие порождают друг друга, трудное и легкое создают друг друга, длинное и короткое взаимно соотносятся, высокое и низкое взаимно определяются, звуки, сливаясь, приходят в гармонию, предыдущее и последующее, следуют друг за другом.

Он также часто цитирует еще одно высказывание Лао-цзы:

Когда устранили великое Дао, появились “человеколюбие” и “справедливость”. Когда появилось мудрствование, возникло и великое лицемерие. Когда шесть родственников в раздоре, тогда появляются “сыновняя почтительность” и “отцовская любовь”. Когда в государстве царит беспорядок, тогда появляются и “верные слуги”.

Дзэнский поэт Цзин Сан сказал: “ Если хочешь обрести истину, не заботься о правильном и неправильном. Противоречие между ними говорит о недуге ума”.

Рамеш утверждает, что “сострадание преодолевает противостояние любви и ненависти. Это некое безличное состояние, когда человек отстраняется от своей индивидуальности. Лишь “я” озабочено существованием взаимосвязанных противоположностей и выбором между ними”, Рамеш цитирует из “Аштавакрагиты”:

Желание лежит в корне невежества, и, до тех пор пока длится желание, будет существовать ощущение приятного и неприятного, а оно — ветви и побеги дерева сансары. Деятельность порождает привязанность. Воздержание от деятельности порождает апатию. Мудрец, освобожденный от оков противоположностей, упроченный в Самости, живет как ребенок. Тот, кто привязан к сансаре, хочет отречься от нее, чтобы избежать страданий. Даже тот, кто не привязан к сансаре, продолжает пребывать в ней, но живет более счастливо. Тот, кто ищет просветления, но все еще отождествляет себя с телом, не джнани и не йог, он будет страдать от невзгод. Пока вы не отринете абсолютно все, то не сможете упрочиться в Самости, даже если Шива, Вишну или Рама будут вашими наставниками. Что бы вы ни услышали — это всего лишь идея, любое знание — всего-навсего противоположность невежеству.

В основе жизни лежит двойственность. Это означает полное и безусловное принятие того факта, что в жизни, с одной стороны, всегда были такие личности, как мать Тереза *, а с другой — психопаты; что человек не в состоянии контролировать действие взаимосвязанных противоположностей, на которых зиждется сама жизнь. Следовательно, должны существовать противоположности — и счастье, и горе. Так было всегда, начиная с Адама и Евы.

* Мать Тереза (1910-1997) — католическая монахиня, албанка по рождению, посвятившая себя служению отверженным и обездоленным. Большую часть жизни прожила в Бенгалии (Индии), в трущобах, ухаживая за умирающими, прокаженными, больными. В 1950 г. основала Орден милосердия. Люди считали ее святой. Сразу после ее смерти католическая церковь начала процесс ее причисления к лику святых.— *Прим. ред.*

Вот анекдот про Адама и Еву. Когда Господь сотворил для Адама Еву, тот очень обрадовался. Он поблагодарил Бога и сказал: “Господи, я хочу спросить, зачем Ты сделал Еву такой красивой и привлекательной?” “Чтобы ты полюбил ее, сын Мой”, — ответил Бог. “А зачем Ты сделал ее такой заботливой и внимательной?” — “Чтобы ты любил ее, сын мой”. Тогда Адам спросил: “Тогда зачем же Ты сделал ее такой глупой?” — “Чтобы она смогла полюбить тебя, сын Мой”.

Иллюстрируя, как нужно относиться к оппозиции “созидание — разрушение”, Рамеш описывает игру детей:

Я часто советую взять с собой на пляж ребенка, дать ему ведерко и лопатку и предоставить его на время самому себе. Количество труда и терпения, которое ребенок может потратить на строительство песчаного замка, поистине удивительно, особенно если этим занимается много ребятшек. Но как только они слышат, что пора идти домой, то тут же одним ударом разбивают свое создание. Если кто-нибудь из взрослых спросит: “Зачем ты разрушил то, что построил?” Ребенок, скорее всего, подумает: “Какие же глупые эти взрослые!” — и ответит: “Мне захотелось построить замок из песка, а потом захотелось его разрушить”.

Боль, страдание и зло

Когда Рамеш говорит о взаимосвязанных противоположностях (как, впрочем, и на другие темы), его часто спрашивают, почему в мире существуют боль, страдание и зло. Рамеш заметил, что ни разу его не спросили, почему существуют радость, добро и удовольствие! Человеческий ум, по мнению Рамеша, склонен уничтожать то, что ему не нравится.

Однажды к свами Нитьянанде, гуру снами Муктананды, пришла одна моя приятельница. Она была исключительно чувствительной натурой, и ее очень удручали голод, насилие, убийства, несчастья и прочие ужасы, царящие в мире. Ей было известно, что люди, знавшие Нитьянанду, почитали его, как Бога. Моя приятельница спросила его: “Почему в мире столько несчастий?” Ответ показался ей очень странным. Гуру сказал: “Почтальон приносит тебе только твои письма и не приносит чужих”.

Рамана Махарши на точно такой же вопрос ответил: “Бог создал мир. Оставь же проблемы этого мира Господу”.

Многие психопатологические личности, которые, подобно Гитлеру, хотят завоевать весь мир, говорят, что подчиняются гласу Божьему, который они слышат. И кто может опровергнуть это? Если же они не верят в Бога, то говорят: “Я — орудие судьбы”, — как, например, Наполеон. Убежденность в своей избранности была настолько сильна в Наполеоне, что составляла основу его личности. Когда к нему приблизился убийца с кинжалом в руке, Наполеон только посмотрел на него, как бы говоря: “Что ты сможешь со мной поделать? Я же избранник судьбы”. Он только посмотрел на убийцу, но тот сразу выронил оружие и убежал. Когда же психопатологическая личность терпит крах, а это, конечно, неизбежно, то невозможно описать чувство разочарования и отчаяния, которое она испытывает: достаточно вспомнить Наполеона на острове Эльба или Гитлера, вынужденного совершить самоубийство. Многие из таких людей, представ перед судом и отвечая на вопрос о причинах своих поступков, говорят, что ими руководил Господь. Уильям Блейк сказал о них: “Эти люди обращаются к Богу, не отвернувшись сперва от себя”. Но даже и они являются частью действующей Всеобщности и совершают то, что было суждено свыше.

Смерть

До тех пор пока ребенок впервые не столкнется с чьей-нибудь смертью, он воспринимает жизнь как нечто само собой разумеющееся, как бесконечно длящийся дар, и только встреча со смертью заставляет его задуматься о том, что есть нечто, противоположное жизни.

Моей маленькой внучке было три года, когда в ее присутствии стали обсуждать чью-то смерть. До этого момента она ни разу не сталкивалась со смертью и поэтому спросила моего сына, своего отца, что это такое. Можно было придумать несколько объяснений, более или менее подходящих для трехлетнего ребенка, но сын был запрограммирован по-другому. Он считал, что ребенок должен знать все как есть, и начал подробно, с многочисленными деталями рассказывать о смерти. Мы с женой переглянулись. Мы бы, конечно, так не сделали, но ребенок был его, а не наш. Выслушав объяснения, эта в высшей степени умная и сообразительная девочка сказала: “Да, папочка, я поняла. Но я вовсе не собираюсь умирать!”

Интуитивно, в самой глубине своего существа, она знала, что рождения и смерти не существует.

Полезно знать, что говорят мудрецы о процессе умирания, который иногда пугает, поскольку может быть очень мучительным. Мудрые люди утверждают, что умирающий человек необязательно испытывает сильную боль или агонию. Вероятно, тот, кто слишком сильно привязан к материальному миру, противится смерти и тем самым порождает конфликт, который и является причиной боли и агонии. С другой стороны, есть люди, которые воспринимают смерть как естественное продолжение жизни и наблюдают за ее приходом так же, как за любым другим событием. Тогда конфликт исчезает и процесс умирания протекает спокойно и гармонично.

Однажды утром, когда еще только светало, мы с друзьями играли в гольф. Мы достигли пятой метки и готовились уже перейти к следующей, как вдруг на нас спикировала, будто собираясь напасть, огромная птица из рода орлов, которых у нас принято называть коршунами. Размах ее крыльев был огромен. Коршун сел как раз на то место, где мы были еще совсем недавно. А потом сделал нечто потрясающее: приземлился на метку для мяча, головой к солнцу, лег животом на землю, расправил крылья, вытянул шею, взглянул в последний раз на восходящее солнце и умер. Один из игроков сказал: “Никак концы отдал, приятель?” Эти слова задели меня. Он воспринял смерть коршуна как пустяк, а для меня это было одно из самых прекрасных зрелищ, какие я когда-либо видел. То был величественный поступок, потрясающее выражение исключительного достоинства: он сел, повернулся головой к солнцу, вытянул шею и умер. Птица, очевидно, знала, что умирает, но не выказала никакой паники: не было ни судорожных взмахов крыльев, ни других признаков смятения и агонии. Это был прекрасный, благородный уход со сцены.

Вот еще одна подобная история:

Меня не было рядом, когда умирал мой родственник, но потом по рассказам я узнал, как это случилось. Он вел правильный, здоровый образ жизни: следил за питанием, регулярно совершал долгие пешие прогулки. К тому же он был врачом, хотя и отказался от практики, так как не хотел, чтобы его благополучие зависело от недугов других людей. Он был государственным служащим, занимал относительно небольшую должность в муниципалитете и зарабатывал не очень много. У него были жена и дочь, которые также довольствовались своим скромным существованием, так что жизнь этой семьи была очень мирной и спокойной. Моего родственника не привлекал путь знания, больше по душе ему был путь бхакти. Он играл на табле — небольшом барабане, поэтому его охотно и часто приглашали на бхаджаны (религиозные песнопения). В то время я стал ходить к Махараджу и при встрече с родственником завел речь о своем гуру. У меня тогда была малоприятная

привычка без конца говорить о Махарадже, и, начав, я уже не мог остановиться. Минут через пять я заметил, что родственник отвлекся, и сказал: “Тебе, я вижу, неинтересно. Выбрось это из головы”. Путь знания совершенно не интересовал его.

Невозможно было поверить, что с ним может случиться сердечный приступ. Упорядоченная жизнь, физические упражнения, отсутствие серьезных проблем — и вдруг с человеком случается сильнейший сердечный приступ и он умирает. Мне рассказали о том, как он умирал. У него было много друзей, в том числе и среди врачей. Когда он почувствовал боль в груди, то позвонил одному из них, и через пять минут друг примчался с аппаратом для ЭКГ. После того как была сделана кардиограмма, стало совершенно ясно, что жить моему родственнику остались считанные минуты: на ленте была почти прямая линия. Он сам был врачом и хорошо понимал это. Жена спросила, отправят ли его в больницу, поскольку думала о том, нужно ли укладывать вещи. “Подождем — увидим”, — сказал он. Он знал, что единственное место, куда он вскоре отправится, — крематорий.

Доктор, присутствовавший при его смерти, рассказал мне на следующий день об этом поразительном случае: “Я видел все собственными глазами и все же не могу поверить, что так может быть”. Умиравший точно описывал, что он чувствует, как постепенно смерть овладевает его телом. “У меня окоченели кончики пальцев. Холод медленно ползет вверх по телу. Сейчас онемели колени”, — спокойно сообщал он. Он продолжал говорить, пока онемение не достигло сердца, и тогда умер с улыбкой на устах. Это исключительный случай отстраненного наблюдения за собственной смертью. Мой родственник не был джнани, но интуитивно понимал безличность свершающегося процесса.

Вишиста — мудрец, который согласно индуистской мифологии был гуру Шри Рамы, в кратких, но чрезвычайно выразительных словах вынес смерти приговор: “Хотя никто точно не знает, что случается с человеком после смерти, на самом деле есть всего две вероятности: либо смерть просто прекращает существование, либо оно продолжается в другом теле. Если человек действительно полностью угасает, в этом нет ничего плохого: ведь тогда заканчиваются все неприятности, исчезают досада и беспокойство, которыми наполнена жизнь, наступает освобождение от неопределенности, от постоянно сменяющихся друг друга боли и радости. Если же смерть означает не конец существования, а просто смену телесной оболочки, тогда тем более глупо бояться ее прихода — ведь нам обеспечено продолжение жизни, хотя и в другом облике. В любом случае страшиться смерти не имеет смысла”.

Доктора Бена Вайнингена, у которого мы останавливались в Санта-Барбаре, весь город звал “пятицентовым психотерапевтом”. Он говорил, что на решение лечить людей почти бесплатно его подтолкнула журнальная юмористическая страничка под названием “За бесценок”. Он хотел, чтобы его помощь была доступна любому, и потому его знал и любил весь город. И вот такой человек умирал, и даже чудо не могло бы его спасти. И Бен, и его жена знали об этом, но все равно пригласили нас поселиться у них, когда мы на неделю приехали в Сайта-Барбару. Мы вполне могли пожить и в другом месте, но жена Бена сказала, что он очень хочет видеть нас своими гостями. Бен умер в ту неделю, что мы провели в Санта-Барбаре.

За сутки до смерти у нас с Беном был долгий разговор. Бен хотел побеседовать со мной раньше, но почувствовал себя плохо и разговор был отложен как раз на тот день, который оказался последним в его жизни. Он ослабел настолько, что было видно: жить ему осталось считанные дни, если не часы. Я присел около его кровати, и мы стали беседовать. Часто во время разговора он замолкал, погружался в забытие, потом, очнувшись, спрашивал: “Вы еще здесь?” “Конечно, друг мой, я никуда не уйду”, — отвечал я. Мы продолжали прерванную беседу, потом он снова забывался, и так продолжалось около полутора часов. Было видно, что разговор приносит ему облегчение. Бен совершенно не страшился смерти, но, я думаю, ему был нужен товарищ, человек, который понимал бы, какое таинство совершается в эту минуту. Наверное, страх перед неизвестностью, пусть самый малый, все-таки жил в нем, и мое присутствие поддерживало его.

Чжуан-цзы сказал о смерти своего учителя Лао-цзы: “Учитель пришел в этот мир, потому что настало время прийти, и покинул его, следуя естественному течению событий. Довольствуйтесь каждым мигом, отпущенным вечностью, и следуйте потоку. Тогда у вас не будет причины для горя и радости. В старые времена это называлось освобождением от оков. Дрова прогорели, но огонь еще пылает, и мы не знаем, когда ему суждено погаснуть”.

Когда умирал Рамана Махарши и люди вокруг не могли сдерживать рыдания, он сказал: “Почему вы плачете? Я никуда не уйду”. А потом добавил: “Я всегда буду здесь. Куда я могу уйти?”

Приятие и отказ

Рамеш говорит, что приятие более характерно для пути джнаны, а отказ — для пути бхакти, но для них есть и общее название — бесстрастие. “Оба эти пути учат жить в настоящем, ни к чему не привязываясь”.

Один святой человек, суфий, тихо обитал в своем маленьком домике. Жившая по соседству молодая девушка неожиданно забеременела и родила ребенка. Ее стали расспрашивать, кто отец ребенка, но женщина не хотела открывать имени своего возлюбленного и указала на суфия. Члены общины решили, что отец должен взять ребенка к себе. Они пришли к суфию и сообщили ему об этом. “Хороню. Оставьте его”, — сказал суфий и стал, как мог, ухаживать за младенцем. Два или три года спустя мать ребенка почувствовала раскаяние. Женщина вышла замуж за своего возлюбленного, и они признались, что суфий вовсе не отец ребенка. Они оба пришли к нему и сказали: “Мы очень раскаиваемся в том, что совершили. Пожалуйста, отдай нам дитя!” “Возьмите его”, — ответил суфий.

Следующие два случая — примеры глубочайшего приятия всего, что может случиться с человеком:

Пожалуй, еще более подходящий и, я бы даже сказал, шокирующий ответ дал Рамана Махарши одному искреннему молодому человеку, находящемуся в духовном поиске. Юноша сказал: “Я теряю голову от молодой женщины, живущей по соседству, и боюсь согрешить с ней. Пожалуйста, скажите, что мне делать!” Ответ Рамана Махарши был потрясающе прям и прост: “Ты всегда чист. Твои чувства и тело искушают тебя, а ты путаешь их со своей подлинной сущностью. Так что сначала разберись, кого искушают и кто искушает. Но даже если соблазн победит, не думай потом о содеянном, потому что сам ты всегда чист. Не нужно винить себя и считать грешником”.

Однажды Раману Махарши вместе со многими другими людьми жестоко избили грабители. “Вы поклоняетесь мне цветами и подношениями, а они — дубинками. Но это тоже вид поклонения. Если я принимаю ваши знаки внимания, почему же не принять также и те, которые оказали мне эти разбойники?”

Две нижеследующие истории — о том, как надо принимать природу вещей.

Однажды брамин совершал омовение в реке и увидел тонущего скорпиона. Брамин спас его и отнес на берег. Но прежде чем он опустил скорпиона на землю, тот укусил его в руку. Многие видели это, и некоторые из них спросили брамина: “Ну и чего ты добился? Пожалел, а тебя за это укусили”. “Я сделал то, что сделал, согласно своей природе, а скорпион укусил меня, повинувшись своей”, — ответил брамин.

Один раввин, достигший Понимания, жил в крошечной комнатке, в которой не было даже стульев, чтобы сидеть, ничего, кроме доски, которая служила ему кроватью. Люди, приходившие побеседовать с ним, были вынуждены либо садиться на пол, либо стоять. Один из посетителей спросил: “Рабби, где же твоя мебель?” “А где твоя?” — спросил раввин. “Но я же зашел сюда ненадолго”, — ответил гость. “Я тоже”, — сказал раввин.

Рамеш часто приводит следующую дзэнскую историю:

В Китае в те далекие времена, когда страна была разделена на маленькие царства, жил один крестьянин. У него был сын, который на единственной лошади возделывал небольшое поле. Однажды лошадь убежала. Соседи пришли посочувствовать ему: “Какая беда! Как тебе не повезло!” “Может быть”, — ответил крестьянин. На следующий день кобыла вернулась и привела с собой еще полдюжины диких лошадей. Опять пришли соседи и сказали: “Вот так счастье тебе привалило!” “Может быть”, — опять ответил крестьянин. На третий день сын объезжал одну из пришедших диких лошадей, упал с нее и сломал ногу. Снова пришли соседи, ахая, как ему не повезло, и опять крестьянин ответил: “Может быть”. А еще на следующий день в деревню прибыли люди правителя, чтобы отобрать крепких, здоровых крестьян для войска. Увидев, что у парня сломана нога, они оставили его в покое. Опять появились соседи и сказали, что не было бы счастья, да несчастье помогло. Если бы парень не сломал ногу, забрали бы его сейчас в солдаты. А крестьянин только повторил: “Может быть”.

Рассказ Чжуан-цзы называется “Пустая лодка”:

Тот, кто управляет людьми, живет в беспокойстве. Тот, кем управляют, — в скорби. Человек, следующий Дао, не желает ни влиять на кого-то, ни испытывать влияние. Единственный способ освободиться от беспокойства и избежать скорби — жить с Дао в стране великой пустоты. Если человек плывет по реке и на его судно налетит пустая лодка, то, даже если он будет не в духе, он все же не очень-то разозлится. Но если в этой лодке будет человек, он обязательно крикнет, чтобы тот аккуратнее управлял своей лодкой. Если его не услышат, он крикнет еще раз, потом еще и в конце концов разразится бранью. Если бы встречная лодка была пуста, ему не нужно было бы кричать и злиться. Если лодка, на которой вы пересекаете реку жизни, будет пуста, никто не сможет помешать вам, никто не будет стремиться причинить вам вред. Кто сможет освободиться от стремлений и боли, тот как бы исчезнет в людском море. Он будет плыть по нему невидимым, как Дао, как сама жизнь, без имени и без дома, без предназначения. По всему он как будто глупец, его шаги не оставляют следов. У него нет власти. Он ни к чему не стремится. Его никто не почитает. Поскольку он сам никого не судит, то никем не судим. Таков совершенный человек. Его лодка пуста.

“Отсутствие привязанностей не означает аскетизма”. Об этом Рамеш рассказывает такую историю:

Достигнув просветления, Джанака остался царствовать. Он выполнял все положенные царю обязанности, а также не пренебрегал удовольствиями и развлечениями, положенными людям его сана. У одного гуру был очень способный ученик, который, однако, придавал слишком большое значение аскезе. Тогда гуру послал ученика к Джанаке. Вечером тот прибыл ко двору и увидел роскошный пир, танцовщиц — словом, все, чем обычно наслаждался царь. “И зачем учитель послал меня сюда? Обычные забавы, которым Джанака предается, как любой богач”, — подумал ученик. Джанака обратился к нему: “Иди и поспи, а завтра в шесть утра я разбужу тебя, мы погуляем по саду и побеседуем о том, что просил обсудить твой гуру”. Утром царь разбудил ученика, и они отправились на прогулку. Вдруг юноша заметил, что в помещении, где он провел ночь, разгорелся пожар, и сказал Джанаке: “Ваше Величество, я вижу там пламя”. “Да, да, да, — ответил царь, — но пойдем же дальше и продолжим беседу”. Они прошли еще немного, и ученик воскликнул: “Но там же пожар!” “Да, знаю, — опять сказал Джанака, — однако вернемся к нашей беседе”. Ученик с трудом сделал еще несколько шагов и понял, что больше не может терпеть. “Ваше Величество, — сказал он, — у вас много одежды, но моя единственная запасная набедренная повязка сушится сейчас на веревке как раз там”.

Поиск

“Духовный поиск, начавшись, продолжается до тех пор, пока не происходит прорыв. Я не говорю, что цель при этом достигнута, процесс поиска состоит из череды открытий, каждое из которых поднимает человека на новую ступень духа. Поиск осуществляется Сознанием, претворенным в личное сознание, которое стремится к собственному истоку. Духовный поиск, всегда начинается с индивидуальности и заканчивается ее полным отрицанием”.

Рамеш вновь и вновь подчеркивает, что невозможно в просветлении спрятаться от жизни. Об этом он говорит, беседуя о сансаре (личной реальности) и нирване (Самореализации, или Просветлении).

“Вчера вечером я вспомнил слова Будды: “Нирвана и сансара — это не два, они одно”. Я не большой знаток буддизма и не знаю, дал ли Будда какие-нибудь объяснения этой прекрасной мысли, и были ли сделаны ее интерпретации позже, но сам я думаю, что фраза “Нирвана и сансара — одно” обращена к тем из ищущих истину, кто считает, что в нирване можно укрыться от трудностей и страданий сансары. Будда говорит, что сделать это невозможно, поскольку они — одно. Тот, кто хочет насладиться нирваной, может сделать это только в сансаре”.

Один мой друг рассказывал, что обычно они с отцом и дедом посещают миссию Рамакришны в Бангалоре, чтобы повидать свами и побеседовать с ним. Мой друг, молодой человек, ходил туда не слишком часто. Свами как-то сказал отцу юноши: “Я уже давно не вижу вашего сына”. Отец передал эти слова сыну и спросил: “Почему ты не ходишь в ашрам?” Тогда сын пошел к свами и после недолгой беседы сказал: “Свамиджи, позвольте спросить Вас. Я долго медлил, но вот наконец решился. Хотя мой вопрос может показаться дерзким, но это не так, уверяю Вас! Вы живете под кровом этого или другого ашрама двадцать пять — тридцать лет. Тем не менее предполагается, что Вы можете научить простого человека, как ему разрешать его повседневные проблемы. Но скажите: если бы Вы оказались хотя бы на полгода без ашрама и его поддержки — смогли бы Вы сами справиться с трудностями?” Свами был очень сильно удивлен. Он задумался на минуту и сказал: “Нет, наверное, не смог бы”.

Итак, очень часто духовные наставники не сталкиваются с реальными жизненными трудностями, но советуют, как с ними справиться. По моему убеждению, только находясь в сансаре, можно найти нирвану.

Во многих беседах, которые проводил Рамеш, было видно, что люди испытывают трудности, когда стремятся связать идеи личного “я” и Просветления. Рамеш часто обращается к этому вопросу.

Один из первых моих посетителей, человек очень энергичный, много лет назад сказал мне: “Рамеш, не могу передать тебе, как я страдаю в ожидании, когда придет Просветление”. Я ответил: “Друг мой, представь, что я преподнес его тебе на блюдечке и сказал: “Вот оно. Ты теперь просветлен”. Представь, что это уже случилось. Как ты проведешь остаток своей жизни? Заберешься на крышу и крикнешь оттуда “Я просветлен!”? Что ты будешь делать? Ты просто ничего не сможешь, потому что, когда придет Просветление, твоего “я” уже не будет и ты не сможешь наслаждаться им так, как сейчас себе это представляешь. Почему ты жаждешь Просветления? Потому что думаешь, что будешь наслаждаться всем, что сможет предложить жизнь”. В книгах написано, да и учителя утверждают, что Просветление — это блаженство. Поэтому разум говорит нам: “Я наслаждался земным счастьем, а теперь хочу наслаждаться неземным”. Но не будет человека, которые испытает блаженство, потому что Просветление — это полное уничтожение “я”. Поэтому я всегда говорю: хотя выбора у вас нет, но, если представить, что у вас есть выбор: заработать миллион долларов или достичь Просветления, я советую выбрать миллион — потому что тогда будет, кому порадоваться этим деньгам.

Несколько преподавателей теологии каждую неделю собирались вместе. На очередной встрече один из них сказал: “Прошлой ночью мне приснился Бог и предложил выбор: абсолютное знание или абсолютное наслаждение. Я даже подпрыгнул от представившегося шанса и сказал: “Абсолютное знание”. “Так скажи же нам, что такое абсолютное знание?” — попросили присутствующие. “Это был неверный выбор, друзья мои”, — ответил преподаватель.

В 1999 г. Рамеш прочитал в Гут-Шермау отрывок “Течение реки” из книги Ричарда Баха “Иллюзии”. Отрывок произвел на него большое впечатление.

Когда-то на дне одной большой хрустальной реки стояла деревня, и жили в ней некие существа. Река безмолвно текла над ними всеми — молодыми и старыми, богатыми и бедными, хорошими и плохими, текла своей дорогой и знала лишь о своем собственном хрустальном “я”. И все эти существа, каждый по-своему, цеплялись за камни и тонкие стебли росших на дне реки растений, ибо умение цепляться было у них основой жизни, а сопротивляться течению реки они учились с самого рождения. Но одно существо наконец сказала: “Я устал цепляться. И хоть я не вижу этого своими глазами, я верю, что течение знает, куда оно направляется. Сейчас я отпущу камень, и пусть оно унесет меня с собой. Иначе я умру от скуки”. Другие существа засмеялись и сказали: “Дурак! Только отпусти свой камень, и твое обожаемое течение так тебя перекувырнет да шмякнет о камни, что от этого ты быстрее помрешь, чем от скуки!” Но он не послушался их и, набрав побольше воздуха, разжал руки, и в тот же миг течение перекувырнуло его и ударило о камни. Однако существо все же не стало ни за что цепляться, и тогда поток поднял его высоко над дном, и о камни его больше не било. А существа, жившие ниже по реке, для которых он был незнакомцем, закричали: “Глядите, чудо! Он такой же, как мы, однако он летит! Смотрите, Мессия пришел, чтобы спасти нас!” И тогда тот, которого несло течение, сказал: “Я такой же Мессия, как и вы. Река с радостью освободит нас и поднимет вверх, если мы только осмелимся отцепиться от камней. Наше истинное предназначение заключается в этом странствии, в этом отважном путешествии”. Но они лишь громче закричали: “Спаситель!”, все также цепляясь за камни, а когда они снова взглянули наверх, его уже не было, и они остались одни и начали слагать легенды о Спасителе.

Следующая история рассказывает о том, как упорны бывают люди в своих заблуждениях и как непредсказуем путь освобождения от ошибок.

В 1988 году ко мне пришел один человек. Было около семи часов утра, когда он мне позвонил; и он захотел прийти немедленно, поскольку собирался в час дня уехать из Бомбея в Центр Випашьяна-медитации. Через полчаса он уже был у меня. Когда я открыл дверь, мне показалось, что этот человек готов наброситься на меня, такое неистовство горело в его глазах. Я пригласил его войти и присесть. Он начал говорить сразу, едва присев на стул: “Я путешествую по Индии весь март, апрель и май”. (Он пришел ко мне в июне, и, надо признаться, хуже время для поездок по Индии, чем эти месяцы, выбрать трудно.) Он сказал, что путешествовал на поезде, на автобусе и много прошел пешком. Что-то заставило его приехать в Индию — он так и сделал. Посетитель сразу стал жаловаться. Он считал, что совершил огромную ошибку, приехав сюда. Он посетил множество храмов и везде видел одно и то же: священники только и делали, что ждали подношений. Он посетил множество ашрамов. И что же он там увидел? Помощники гуру, одетые в оранжевые одеяния, читали те же священные тексты, которые он сам штудировал в течение двенадцати

лет. Они просто повторяли как попугаи то, что он уже и так знал. “Так зачем же я приехал в Индию?” — спросил он.

Все это время я лишь слушал — он не дал мне вставить ни слова. Наконец я извинился и принес ему бутылку холодной воды. Когда он выпил ее, я вышел и вернулся с другой. Это охладило посетителя и в прямом, и в переносном смысле. Он немного успокоился и сказал: “Разве вам нечего сказать мне?” “Вы ожидаете ответа?” — спросил я в свою очередь. “Да”. — “Сначала расскажите, чем вы занимаетесь. Что привело вас на путь духовного поиска?” Он сказал, что был преуспевающим инженером, как вдруг в голову пришла мысль, что единственная его дочь хорошо устроена и что у него нет необходимости работать. И ему захотелось понять, что же такое жизнь. Тогда я спросил этого человека: “Как вы попали ко мне? У меня нет ашрама, и нет помощников, которые бы повторяли как попугаи духовные изречения”. Он ответил, что ему помог случай. Он был в Рамана-ашраме и сидел в зале для медитации, как вдруг пришел еще один человек и сел рядом с ним, хотя народу было мало и оставалось достаточно свободного места. И как только этот человек устроился рядом, мой будущий посетитель начал ему жаловаться — говорить все то, что потом повторил и мне. Сосед терпеливо выслушал его и спросил: “Куда вы собираетесь направиться дальше?” “В Бомбей, а потом в Центр медитации”, — ответил он. И тогда его сосед сказал: “Если вы собираетесь в Бомбей, тогда обязательно сходите к Рамешу”. И дал мой номер телефона и адрес. Так до сих пор я и не знаю, кто послал этого человека ко мне.

Он посидел минуту-другую молча, и тогда я спросил: “Поверите ли вы, если я скажу, что после того, как я задам вам только один вопрос и вы найдете ответ на него, все остальные вопросы, которые мучают вас, разрешатся сами собой?” “Нет, не верю”, — ответил посетитель. “Давайте все-таки попытаемся. Мой вопрос состоит вот в чем: вы сказали, что были преуспевающим, уважаемым, почти знаменитым инженером, но в течение последних трех месяцев испытывали муки ада. Что заставило вас превратиться из преуспевающего инженера в несчастного человека — искателя Истины? Вы сами выбрали этот путь?” Он помедлил, а потом спросил: “Что вы имеете в виду?”

“Может, вы сами попытаетесь найти ответ на этот вопрос?” — спросил я. Он сказал, что не располагает временем, потому что торопится в Центр Випашьяна-медитации. “Возможно, медитация поможет вам найти ответ”. Посетитель ответил, что вряд ли это поможет, поскольку он занимается медитацией вот уже двенадцать лет. Тогда я произнес: “Кто же на самом деле ведет духовный поиск? Вы думаете, что это вы, но я говорю, что это не так. Что-то заставило вас встать на путь духовного поиска. Есть нечто, использующее ваш телесно-духовный организм для поиска. Что же это? Конечно, не вы. Кто вы? Всего лишь некое тело, у которого есть определенное имя. Поймите же, кто на самом деле ведет поиск. Не ваша личность, поскольку духовный поиск — это безличный процесс”. Мы проговорили таким образом часа полтора, и в конце беседы он захотел прийти ко мне еще, но в Индию он уже не вернулся. Этот человек появился на одной из бесед, которые я проводил в США. Он сказал, что приехал на семинар в основном только затем, чтобы объяснить, почему он не пришел ко мне еще раз в Бомбее: не потому что не захотел, а потому что был болен.

Он остался, чтобы присутствовать на беседе. Как только я сел на свое место, этот человек поднял руку и задал тот же самый вопрос, что и раньше, — за четыре месяца, что прошли со времени нашей встречи, он ни на йоту не продвинулся вперед. Было совершенно очевидно, что серьезно он не размышлял об этом. Я

ответил, он задал еще один вопрос, потом еще один и еще. Так мы перебрасывались вопросами и ответами минут двадцать, пока другие не начали терять терпение. Один из них сказал: “Это может продолжаться бесконечно. Почему бы вам не посидеть спокойно и не послушать, какие вопросы будут задавать другие и какие ответы будет давать Рамеш?” Он очень разозлился: “Если меня не хотят здесь видеть — я уйду”. Тогда я попытался успокоить этого человека: “Вас никто не гонит, просто в этом предложении есть рациональное зерно: если вы посидите немного и послушаете других, может, это в чем-то вам поможет”. Он согласился с большой неохотой, но досидел до конца семинара. Получилось так, что в это самое утро появилась моя первая изданная в Америке книга — “Опыт наставничества”. Этот человек купил один экземпляр, а на следующий день он опять, прежде чем кто-либо успел вымолвить слово, воскликнул, потрясая моей книжкой: “Двенадцать лет я искал именно это и вот теперь наконец получил. Я нашел в этой небольшой книжке ответы на все вопросы”. Если бы участники семинара не видели, как брюзжал и негодовал этот человек накануне, то подумали бы, что это рекламный трюк издателя! К концу семинара это был совершенно другой человек. Вероятно, ему был нужен совершенно конкретный путь, который он нашел в моей книге. Он стал настолько спокойным и уравновешенным человеком, что моя жена не могла поверить, что это тот же самый мужчина, который приходил к нам в Бомбее.

Духовный поиск осуществляется Самосознанием, или Сознанием, или Богом, но не самим человеком. Духовный поиск не подвластен отдельной личности. Самые подходящие слова для “несчастливых искателей Истины” нашел Рамана Махарши: “Ты уже положил голову в пасть тигра”.

Однажды Рамана Махарши сказал своему ученику, изнемогавшему и отчаявшемуся в поисках своей истинной природы: “Когда ты обретешь Понимание, то со смехом будешь вспоминать о своем разочаровании и желании знать”.

Чжуан-цзы сказал: “Освободи уши от звуков, а разум от мыслей. Тогда твой дух станет пустотой, обнимающей все, и только Дао обнимет эту пустоту”.

На одном из семинаров в Мауи Рамеш сказал: “Только в свободный разум может прийти вдохновение, гармония, называйте это как хотите. Но если разум уже заполнен, что туда может поместиться?”

В Мауи, когда мы выходили из дома, Эд (Натансон) спросил меня: “Вы готовы вбить хоть что-нибудь в головы этих людей?” “Я готов вбить какую угодно чепуху — лишь бы они отбросили прочь здравый смысл!”

Есть история про одного мастера дзэн. К нему пришел человек, который уже успел поучиться у многих учителей, и сказал: “Я хочу стать твоим учеником”. “Хорошо”, — ответил мастер. Он взял чайник и стал лить воду в чашку, которую поставил перед гостем. Чашка вскоре наполнилась, но он не остановился, и чай стал

проливаться на стол. “Учитель! Чашка уже переполнилась!” — воскликнул гость. “Да. Сейчас она похожа на твой ум. Пока ты не опустошишь его, я ничего не смогу туда влить”, — ответил мастер.

Исследование своего “я”

Рамеш не особенный сторонник духовных практик, но это не означает, что он думает, будто они не нужны. Он говорит, что поскольку они существуют, то привлекут вас и вы будете заниматься ими. Но как только необходимость в них отпадет, их нужно будет оставить. Сам Рамеш рекомендует одну из духовных практик, которую он называет исследованием своего “я”.

Уникальность учения Раманы Махарши, в основе которого лежит исследование своего “я”, состоит в этой садхане (духовной практике), которую должно выполнять само эго. Именно оно должно исследовать все действия, которые происходят в телесно-духовном организме и которые эго считает своими собственными. Человек должен решить, был ли любой поступок, совершенный им в течение дня или более долгого времени, его личным действием или же нет, то есть совершался ли он по его собственной воле или не зависел от нее. Может ли человек хоть одно действие назвать своим? По мере того как день за днем он будет

убеждаться на собственном опыте, что ни один поступок не зависит от его решений и усилий, это будет становиться все слабее. Если ни одно действие человек не может назвать своим, кто же тогда это “я”?

Около двух месяцев назад у меня был человек, который предполагал пробыть здесь десять дней, но остался на три месяца, а потом решил снять квартиру и остаться еще на полгода. Когда-то это был известный певец, который сейчас стал монахом в одном из дзэнских монастырей. Практика самоисследования так изменила его, что это стало заметно окружающим. Когда мы говорили о его садхане, он рассказал нечто замечательное: “Я начал исследование своего “я” в конце того самого дня, как узнал об этом. Я сел и стал тщательно анализировать поступок за поступком — все, что только мог вспомнить в тот момент и что, как я полагал, было совершено мною лично. В самый первый же день я понял, что ни одно действие не было совершено по моей воле, не было моим личным. А потом произошло нечто удивительное: мне не потребовалось даже дожидаться окончания второго дня моей практики — как только я что-то делал, начиналась подсознательная работа, и, прежде чем случалось еще что-то или в голову приходила другая мысль, было готово заключение: “Это не было моим действием”. В данном случае осознание того, что это не участвует в совершении поступков, произошло очень быстро, возможно, благодаря многолетней практике дзэн. Как бы то ни было, самоисследование длилось здесь всего один день, и уже на следующий оно достигло завершения”.

Садхана

Садхана — это духовная практика. Рамеш обычно не настаивает на ее выполнении. Люди, находящиеся в духовном поиске, как правило, хотят, чтобы Просветление наступило как можно скорее, и поэтому задают много вопросов о духовных практиках. “Проблема садханы, — говорит Рамеш, — состоит в том, что она имеет тенденцию превращаться в самоцель; но если она продолжает быть средством, то цель остается. Таким образом, “я”, выполняя садхану самоисследования, стремится к своему уничтожению. Но при наличии этих трех факторов — “я”, желания и результата — Окончательное Свершение наступить не может”.

Вот реальный случай. В 1987 году в Голливуде мы разговаривали о садхане. Один человек сказал, что сначала его медитации длились час, потом их продолжительность постепенно увеличивалась и достигла, как он с гордостью сообщил, четырнадцати часов в сутки. “Замечательно!” — это все, что я мог сказать. С его точки зрения это было замечательно. Но медитация стала для него самоцелью. Каков был поставленный им самим предел, я не знаю. Думаю, вы догадались, что я не спросил этого человека, чем же он еще успевает заниматься!

Когда я начал учиться играть в гольф, у нас собралась компания из трех человек, и мы вместе стали брать уроки. Через некоторое время я заметил, что чем меньше думаю о правильности своих действий, тем лучше получается. Один из нас троих очень любил тренироваться. Когда он начинал играть, то постоянно думал о том, что ему следует делать, а чего не следует. Играл он ужасно, так что предпочитал тренировки самой игре, они доставляли ему гораздо больше удовольствия. Он мог, например, сказать: “Приходите посмотреть, как я тренируюсь”.

“Существует некая сила, побуждающая вас к садхане, И тогда она приносит пользу. Но как только садхана перестает быть необходимой, что-то обязательно случается и вы перестаете ее практиковать. В этом отступлении от садханы может быть благословение свыше, и тогда все идет нормально. Если же нет — тогда вы страдаете от своего отступления. Так что выполнение садханы, как и уход от нее, не зависит от воли человека”.

Один суфий прошел через всю глубину садханы и в конце концов сделал следующее признание: “В течение двенадцати лет я старался выковать свою душу. Я обжигал ее в печи аскезы и закалял в огне сражения. Я положил свою душу на наковальню позора и бил по ней молотом вины и упрёка, пока она не превратилась в зеркало. Пять лет я был отражением самого себя и все время полировал зеркало души почитанием и добродетелью. Потом на целый год я погрузился в созерцание, и что же я увидел? Я увидел в себе клубок тщеславия, гордыни, заносчивости, уверенности в собственной набожности и абсолютной правоте. Я трудился еще пять лет, чтобы эти гордыня и тщеславие спали с меня, и тогда заново обратился к исламу. Оглянувшись вокруг, я увидел, что все Божьи создания уже мертвы. Прочитав над ними четыре молитвы, я отошел от их общей могилы. Так, оставленный живыми существами, ведомый только Богом, я достиг Его.

Рамеш убежден, что ни одна садхана, выполненная когда-либо человеком, не пропадает даром, поскольку является частью пути.

До того как моим учителем стал Нисаргадатта Махарадж, в течение двадцати лет у меня был другой гуру. Это был благородный, очень искренний человек. Главным его убеждением было то, что жизнь ученика абсолютно определяется его наставником. Он начал строить ашрам и как-то сказал мне: “Мой гуру просил меня создать ашрам, куда люди могли бы приходить и проводить несколько своих свободных дней, чтобы было место, где они всегда были бы накормлены”. Таково было приказание его наставника. Мой учитель был типичным индийским гуру. Он не считал меня своим учеником до тех пор, пока не убедился, что я действительно достоин этого. Мои духовные искания были в ту пору столь напряженными, что я отчетливо помню, как во время традиционного обряда посвящения, когда я сидел прямо перед учителем, из моих глаз непроизвольно потекли слезы. Я думаю, что под конец мой гуру тоже расстрогался. Он все время повторял: “Это случится, не волнуйся, это произойдет”. Это был первый и последний раз, когда я не мог удержать слез. Позже, когда я приходил к Махараджу, их уже не было.

Как я уже говорил, учитель был традиционным индийским гуру. Он брал на себя ответственность не только за духовное развитие учеников, но и за всю их остальную жизнь. Например, ученик мог принт к нему и сказать, что его жена заболела. “Ладно, — отвечал гуру, — скажи своей жене, чтобы по четвергам она сидела дома, по вторникам посещала такой-то и такой-то храмы и принимала такие-то и такие-то лекарства”. Таково было его видение обязанностей, которые должен возлагать на себя гуру. Ученик мог сказать: “Мой сын потерял работу”. На что наставник отвечал: “Повторяй эту джапу* по меньшей мере тысячу раз в день, проводи в уединении такой-то или такой-то день, сходи в такой-то храм”. А потом он мог проверить, как выполняются его указания.

* Джапа — многократное повторение имени Бога или мантры (священного слога или текста) с целью сосредоточения на сущности Бога. — *Прим. ред.*

Сколько себя помню, во мне всегда жило твердое убеждение, что моя судьба уже определена и нет на земле силы, которая могла бы изменить ход моей жизни, что на небесах уже решено, сколько мне суждено перенести физической и душевной боли и сколько испытать счастья. Так что, честно говоря, мне было не нужно, чтобы учитель вмешивался в мои земные дела. Очень скоро я понял, что он не был моим настоящим гуру, хотя занятия были очень полезны и я много почерпнул из них. Но поскольку мой телесно-духовный организм не был настроен на разрыв отношений, я пробыл его учеником двадцать лет.

И наконец мне открылось, почему судьба отмерила мне двадцать лет быть учеником этого гуру. Случилось так, что некоторые люди — особенно двое — стали убеждать моего наставника построить ашрам и пообещали достать для этого деньги. “Мы знакомы со многими влиятельными людьми, — сказали они, — и достанем все необходимые средства. Нужно только начать; можно занять деньги у учеников, а потом мы расплатимся со всеми”. Наставник положился на них и занял деньги у своих учеников, которые и сами-то нуждались в средствах. Он предполагал, что сможет вернуть все в течение года-двух. Ученики могли позволить себе отказаться от процентов, но ссуду им надо было вернуть, поскольку все они принадлежали к среднему классу и не имели больших доходов. А потом те два человека пришли к учителю и сказали: “Простите, но мы не можем вернуть деньги”. Наставник

оказался в тяжелейшей ситуации. Вероятно, такова была задача моего телесно-духовного организма: помочь учителю найти выход. И я это сделал. До конца своих дней при каждой встрече гуру вспоминает об этом и говорил: “Не знаю, что бы я делал, не окажись тебя тогда рядом”.

Но потребовалось совсем немного времени, чтобы понять, что это не мой истинный учитель. Когда же я пришел к Нисаргадатте Махараджу, то в самый же первый день сказал себе: “Я дома. Теперь я дома”. Частью моего послушания у прежнего наставника была обязанность посещать по четвергам утреннюю службу в определенном храме, что я прилежно выполнял, когда находился в Бомбее. Начав ходить к Махараджу, я не оставил посещение храма и прямо оттуда направлялся к гуру. Однажды служба началась на десять минут позже, чем обычно, так что я не смог покинуть храм вовремя, но поторопился, взял такси и отправился к Махараджу.

Обычное назначенное мне время было десять часов утра, я же приходил без четверти десять. Независимо от того, был он джнани или нет, но нетерпение было естественным свойством его телесно-духовного организма. Приехав, я увидел, что учитель уже стоит на лестнице и нетерпеливо смотрит, не иду ли я. Когда я появился, он испытал очевидное облегчение и заметил: “Ты опоздал”. На что я ответил: “Нет же, Махарадж. Вместо того чтобы, как обычно, прийти на пятнадцать минут раньше, я оказался здесь раньше всего на пять”. “Что это ты держишь в руке?” — спросил он. В руке у меня был пакет с прасадом*, который дал священник. Я спешил и поэтому не заметил, что все еще держу его, а то бы положил в карман. “Это прасад из храма, который я посещаю вот уже двадцать лет”, — ответил я и был сильно удивлен тем, что сказал Махарадж. Он спросил: “Ты приходишь сюда вот уже шесть месяцев и все еще посещаешь храмы?” Но затем добавил: “Продолжай ходить в храм, пока чувствуешь в этом необходимость”.

* Прасад (прасама) (букв. “доброта, милость, дар”) — подношение Богу в храме (чаще всего в виде фруктов и сладостей), а также та часть подношения, которая возвращается верующему после богослужения. — *Прим. ред.*

В следующий четверг мне нужно было уехать из города, чтобы навестить дочку, живущую в Бангалоре. Меня не было две недели, а когда я вернулся, полил такой сильный дождь, что дороги размыло и я не смог поехать ни в храм, ни к Махараджу. В следующий четверг я готовился идти по обычному маршруту: принял душ, оделся, но потом обнаружил, что в запасе есть еще десять минут и присел перед выходом. И тут в голову пришла мысль: “Зачем мне идти в храм?” И я не пошел. Переменил одежду и отправился по своим делам.

В комнате, где я совершаю пуджу*, есть фотография основателя того религиозного течения, в котором мой первый наставник был четвертым или пятым преемником. Этой фотографии больше ста лет. У гуру-основателя на ней пронзительный жесткий взгляд, чем-то напоминающий взгляд Махараджа. Когда в пятницу утром я пришел в эту комнату, в голове была мысль: “Сегодня свами будет еще свирепее, чем обычно”. Но когда я склонился и посмотрел на фотографию, то в первый раз увидел вместо жесткого выражения почти что улыбку, которая, казалось, говорила: “Ну что, дурачок, теперь ты понял?”

* Пушка — основная форма почитания Бога в индуизме. Совершается обычно перед священным изображением Бога или святого и заключается в приношениях (цветы, вода,

плоды, рис и др.), возжигании огня, звона колокольчиков, пенопениях и т. п. — *Прим. ред.*

“Только тот, кто пришел ко мне на семинар с пустым умом, может взять что-то полезное для себя. Чтобы что-то понять, нужна определенная восприимчивость. Рамана Махарши часто отмечал: “Благодать всегда тут, а вот сможете ли вы ее снискать, зависит от того, как вы настроили себя, насколько глубока ваша восприимчивость”. Еще он добавлял: “Оксан всегда рядом, а сколько воды из него вы сможете почерпнуть, зависит от того, насколько большой сосуд вы принесли с собой”.

Ученик спросил Наставника: “Какова природа Будды?”* “Ум — природа Будды”, — ответил тот. Некоторое время спустя ученик услышал, как на такой же вопрос о природе Будды, который задал его старший товарищ, наставник ответил: “Отсутствие ума”. Ученик растерялся и попросил объяснения. Учитель ответил: “Когда маленький ребенок плачет, я утешаю его ответом, что природа Будды — ум. Когда же дитя перестает плакать, я говорю, что природа Будды — отсутствие ума”.

Рамеш дал великолепный совет, как относиться к словам и поучениям любого гуру:

Однажды мне позвонил один человек и сказал: “Мы собираемся посетить беседы Кришнамурти (кажется, это был последний цикл его семинаров в Бомбее). Можно после этого мы придем к вам?” “Да, конечно”, — ответил я. После того как беседы Кришнамурти закончились, они пришли ко мне и состоялся обычный разговор. Часа через два они сказали: “Мы действительно очень много узнали от вас” — и собрались уходить. Потом один из них вернулся и спросил: “Почему мы тридцать лет посещали беседы Кришнамурти, а сейчас за каких-то два часа поняли гораздо больше?” Он долго мешкал и не решался задать вопрос, чтобы не показаться нелояльным по отношению к Кришнамурти. “Ответ прост: учение Махараджа начинается там, где заканчивается учение Кришнамурти. Кришнамурти обращается к отдельному человеку. Он объясняет ситуацию, но все равно он работает с индивидуумом. Учение Махараджа начинается словами: “Нет на свете такой вещи, как эго. Где эго? Покажите, и я убью его”. Я очень уважаю Кришнамурти и дам вам такой совет: когда вы слушаете его, слушайте все, что он говорит, когда вы читаете его книги, делайте то же самое. Но после этого подумайте и помедитируйте над тем, что вы прочитали и услышали. Решите, можете ли вы полностью принять его взгляды. Если появятся сомнения, проясните их и только после этого остановитесь на этих идеях. Беседы Кришнамурти похожи на многие другие. Если вы будете медитировать над тем, что он говорит, большая часть сомнений пройдет, запутанные вопросы разрешатся. При настоящей медитации, если вы действительно проникнете в смысл, лежащий за пределами его слов, то почти наверняка придете к тем же выводам, которые только что сделали в беседе со мной”.

Две истории, случившиеся с Рамешем, показывают, как относился Нисаргадатта Махарадж к садхане.

Махарадж ко многому относился очень гибко. Сам он не был вегетарианцем, ел мясо раз или два в неделю, но это не означало, что его ученики не должны быть вегетарианцами. Махарадж курил, но его ученики вовсе не должны были быть курильщиками. Обычный человеческий разум устроен так: “Я должен делать то же, что и учитель. Тогда я буду как он”. Это ошибка! Однажды Махарадж спросил, ем ли я мясо. Я сказал: “Я ем и пью все, что попадает на мой стол. Мне не нравятся

некоторые продукты, например красное мясо, но, если его подают на обед, я ем и мясо. И пью я все, что стоит на столе”. В ответ Махарадж широко улыбнулся.

Когда я в самый первый раз пришел к Махараджу, он спросил, занимаюсь ли я медитацией. “Да, учитель. Мой прежний гуру велел медитировать, но я часто бываю в деловых поездках, так что не могу заниматься медитацией регулярно. Но как только появляется возможность, я сажусь и медитирую хотя бы час или полчаса”. “Хорошо”, — сказал он. Примерно полгода спустя он поинтересовался: “Как твоя медитация?” “Я не думал об этом, учитель. Но поскольку Вы спросили, я вспомнил, что почти не занимаюсь ею специально”. Я был уверен, что Махарадж рассердится, но он только шутливо заметил: “О, не думаю, что в этом вообще есть необходимость, ведь ты уже великий джнани!”. — “Удивительно, но сейчас, когда я не отвожу ей специальное время, медитация происходит гораздо чаще, и мне это нравится”. — “Замечательно!” — воскликнул Махарадж. Так что медитация необходима для определенных целей, но ни в коем случае не следует делать из нее фетиш.

Эта история была рассказана на семинаре в Германии, когда каждая беседа сопровождалась пением бхаджан под аккомпанемент гитары.

Если вам нравится петь бхаджаны — пойте их. Если вам это не нравится — можете встать и уйти, когда начнется их исполнение. Во время вечерних бесед Махараджа обычно исполнялись бхаджаны, но совсем непохожие на те, которые звучат здесь. Это были традиционные индуистские бхаджаны, когда восемь-десять человек кричат во весь голос под удары цимбал и звуки колокольчиков, — словом, поднимается невообразимый шум. Еще в самый первый раз Махарадж заметил, что я не переношу этого (обычно по вечерам я не приходил). Как-то Учитель спросил: “Почему ты не приходишь вечером?” “Утреннего занятия хватает мне на целые сутки. Приходить еще на одно вечером было бы для меня слишком”, — ответил я. Это было правдой. Однажды Махарадж попросил меня присутствовать на вечернем занятии, чтобы заменить переводчика, который не мог прийти. Я с радостью согласился. В тот раз переводчик все-таки пришел, так что мне нечего было делать. Когда беседа была закончена и началось пение бхаджан, Махарадж посмотрел на меня и жестом показал, что я могу покинуть собрание.

Рамеш говорит “Опасность большинства садхан (я, конечно, не утверждаю, что это случается каждый раз) состоит в том, что это начинает испытывать гордость за свою самодисциплину и становится от этого все сильнее и сильнее”.

Садхана: молитвы

Молиться искренне, от всего сердца очень трудно. Стать священником, который читает молитвы, легко. Это как бы полная отдача себя Божественному началу, которое присутствует в молитве. Без такой искренней отдачи не появится пустота, необходимая для того, чтобы Божественное вошло в человека. Сёрен Кьеркегор говорил по этому поводу: “Вначале, когда я только-только стал молиться, я много разговаривал с Богом. Потом я постепенно понял, какую глупость совершаю. Как

может разговор быть молитвой? Молитва может быть только глубоким слушанием, но не разговором. Чтобы услышать Господа, нужно научиться молчать. Только если вы молчите, то тишина и слово Господа могут войти в вас. Только в тишине открывается Божественное. Вы должны быть пассивны, чутки, открыты и полностью восприимчивы. Иначе ваша словесная молитва будет пустой тратой времени и сил. Молитва свершается не в уме, но в сердце. Слова не просто бесполезны, они мешают. Молитва не будет действенной без полнейшей убежденности:

“Я никто, я беспомощен”. Действенность молитвы зависит не от напряженности, но от степени открытости, с которой вы молитесь. Единственная настоящая молитва — “Да будет воля Твоя”. Только отключив ум, можно погрузиться в молитву.

У Льва Толстого есть рассказ о том, как на острове жили три человека. Это были простые люди. Однажды туда приехал священник и прочитал им длинную молитву. Они попытались запомнить ее, но не смогли. Священник вернулся на судно, оно стало отчаливать, как вдруг святой отец увидел трех бегущих по воде людей. Когда они добрались до судна, то попросили: “Простите, пожалуйста, святой отец, прочитайте нам молитву еще раз, а то мы ее не запомнили”. “Вам молитва не нужна”, — только и мог вымолвить священник.

Повторение имени Бога называется джапой или мантрой. На юге Индии есть ашрам, где до сих пор в конце дня каждый человек, имеющий отношение к этому ашраму, должен отчитаться в том, сколько раз за день он повторил джапу. И каждый стремится увеличивать с каждым днем количество повторений. Чем это заканчивается, я не знаю. Эго говорит: “В этом месяце я произнес джапу пятьсот тысяч раз, в прошлом — только триста тысяч раз, значит, сейчас я ближе к Самореализации”. Опасность этой садханы заключается в том, что она может укрепить эго.

Садхана: аскетизм и отрицание

Гордыня и привязанность легко могут принять облик садханы, которую человек выполняет, чтобы как раз избавиться от этих качеств.

Знаменитый философ-киник Диоген считан: чтобы быть счастливым, необходимо избегать богатства, почестей, власти и всех наслаждений, которые может предоставить жизнь. Свои убеждения он воплощал на практике: ходил по Афинам босиком, никогда не носил верхней одежды, ел грубую пищу и яростно выступал против комфорта и морального разложения. Диоген, конечно, был убежден в своем превосходстве и, не задумываясь, оскорблял людей, которые не соглашались с ним. Известно, что однажды Сократ сказал ему: “Я вижу, как сквозь твои лохмотья просвечивает тщеславие”. Еще красноречивее был другой случай. Диоген пришел в дом к Платону. Когда философ-киник увидел усталый красивый, богатыми

коврами пол, он остановился, свирепо взглянул на хозяина, встал на ковер и сказал: “Так я попираю гордыню Платона”. “Да, — ответил тот, — но еще большей гордыней”.

Лао-цзы упрекал Конфуция за излишнее морализаторство. Он говорил: “Все эти разговоры о добродетели, долге, бесконечные булабочные уколы только раздражают и взвинчивают людей. Ты лучше всех изучил, как небо и земля совершают свой извечный путь, как светят Солнце и Луна, как звезды собираются в созвездия, птицы — в стаи, а животные — в стада, как растут деревья и кустарники. Теперь тебе надо научиться сверять свои шаги с внутренней силой, чтобы следовать естественному ходу явлений. И вскоре тебе не надо будет тратить столько усилий для прославления долга и добродетели. Лебедю не нужно ежедневно мыться, чтобы оставаться белоснежным”.

Следующая история может быть неправильно понята без соответствующего контекста. Этот совет был дан ученику, впавшему в отчаяние из-за того, что религиозные ограничения и аскеза остались для него безрезультатными.

Позволь своим ушам слышать то, что они хотят услышать, а глазам — видеть то, что они хотят увидеть. Пусть нос вдыхает приятные для него запахи, а рот произносит слова, которые хочет произнести. Доставь телу комфорт, который ему приятен. Пусть ум делает все, что ему угодно. Твои уши жаждут слышать музыку — так избавься от звуков, которые царапают твой слух. Твои глаза жаждут видеть вечно прекрасное — так избавься от всего, что оскорбляет твоё зрение. Твой нос жаждет вдыхать аромат цветов — значит, твоё обоняние не удовлетворено, если рядом нет красивых цветущих растений. Твой рот хочет говорить о том, что есть правда и что есть ложь; и если у него нет такой возможности, значит, познание ограничено. Тело жаждет тепла и вкусной пищи — лиши его этого, и будет подавлено то, что естественно и существенно для человека. Ум хочет свободы, в том числе права на заблуждение, и, если у него отнять эту свободу, тогда само естество человека станет ущербным.

Следующая шутка также касается самоотречения:

Один миллионер стал пылким сторонником духовных исканий. Он позвонил свами, которого ему рекомендовали, и сказал: “Свами, я миллионер. Сейчас я обратился к духовному поиску, и мне сказали, что самое большое препятствие на этом пути — моя привязанность к деньгам. Что мне делать?” На что свами ответил: “А вы просто ничего не делайте! Подождите, пока я не загляну к вам в гости”.

Один из моих друзей, связанный в течение последних двадцати пяти лет с одним из самых известных ашрамов в Индии, сказал, что из общей суммы пожертвований ашраму в один миллион долларов он внес лишь около двадцати пяти тысяч. И до того расстроился, что покинул ашрам и вообще эти места. И так тоже случается.

Садхана: ритуал

“Человек часто забывает, что символ — это всего лишь символ, и придает ему самостоятельное значение, делает его самоцелью. В этом состоит опасность каждого символа, каждой духовной практики, каждого ритуала”.

При одном ашраме жил кот, который любил входить в помещение во время обряда и нарушал его. Глава ашрама распорядился во время церемонии прятать кота под корзиной, что и было сделано. Со временем это стало ритуалом. И когда кота не стало, ашрам был вынужден приобрести нового, чтобы было кого прятать под корзиной.

Отношения гуру и ученика

“В восточной традиции отношения гуру и его ученика — это совместный путь двух телесно-духовных единиц как часть процесса проявления в действии. Их встреча предreshена — она входит в общее течение предопределенных событий”.

Рамана Махарши определил суть отношений гуру и ученика очень просто: “Задача учителя в ходе беседы с учеником — продвинуть его Понимание с внешнего уровня к внутреннему. Внутреннее “я” ученика вбирает в себя это понимание. Все, что делает гуру, — это лишь видимость. На самом деле это Сознание говорит с Сознанием”.

В книге Фридриха Ницше “Так говорил Заратустра” Заратустра дает ученикам последнее наставление: “Все, что следовало сказать, — сказано. Все, что надо было понять, — понято. А сейчас забудьте все, что было сказано. Забудьте ясе, что я говорил вам, кроме последнего: “Берегитесь Заратустру”. (И берегитесь Рамеша!)”

На вопрос, должен ли у каждого человека быть гуру, Рамеш отвечает такой историей:

Однажды Рамана Махарши почувствовал, что умирает. Он не послал за доктором, а вместо этого подумал: “Посмотрю-ка, что будет”. Он лег и полностью представил себе, что произойдет: “Вот мое тело уже умерло, окоченело, вот его везут на кремацию, вот передают огню”. Он почувствовал, что есть какой-то наблюдатель, не имеющий отношения к его телу. Вдруг Рамана Махарши осенило, что это он сам отделился от своего тела и смотрит на него и на погребальный обряд со стороны. Так что ему не нужен был гуру. Когда это случилось, он услышал, как кто-то произнес “Аруначала” и зазвонил колокол, причем так громко, что все исчезло. Брат дал Рамане Махарши деньги на школьные учебники. Он взял деньги, пошел на станцию и спросил, когда придет ближайший поезд. “Куда тебе нужно?” — спросил кассир. “А до какой станции можно купить билет на эти деньги?” Оказалось, что на них можно приобрести билет как раз до горы Аруначала. Так что этой духовно-телесной единице гуру был не нужен. Но это очень редкое исключение.

Рамеш не придерживается традиционных взглядов па отношения гуру и ученика. Он не требует верности от людей, которые приходят к нему. Рамеш рассказал историю об одной леди, посетившей его в пустыне Южной Калифорнии, когда он впервые приехал в Соединенные Штаты, чтобы провести несколько бесед:

Она пришла ко мне и сказала: “На восточном побережье есть гуру, который очень мне нравится, и я хотела бы посещать его беседы”. “Что же мешает вам? — ответил я. — Ради всего святого — ходите к нему и не испытывайте при этом сомнений по поводу неверности какому-нибудь другому учителю. Но если случится так, что через какое-то время вы захотите покинуть его, ради бога, сделайте это, и не считайте себя виноватой”.

“Махарадж понимал, что гуру не должен как попугай повторять слово в слово своего собственного наставника. Если обучению суждено быть, то оно начнется само собой, спонтанно, как только человек достигнет Понимания”.

Как-то Мяхарадж, беседуя со мной, сказал: “Многие из моих собратьев по обучению не согласны с тем, что я говорю. Они недовольны, что я не следую словам своего гуру. Сами они точь-в-точь повторяют все, что говорил учитель. Я же в своих беседах исхожу из того, что нужно моим слушателям. Следовательно, фразы, выходящие из моих уст, непохожи на те, которые произносил мой гуру. Но учение остается тем же, оно не может измениться”. Потом он добавил: “Когда ты будешь вести беседы (а в то время я вообще не намеревался проводить семинары, мне это не нравилось, скажу больше — я это ненавидел), ты не будешь повторять то, что говорил я. Учение останется прежним, но слова будут другими; форма беседы будет зависеть от того, в чем будут нуждаться люди, пришедшие слушать тебя”.

Бхакти и джнана

В Индии известны три пути к Просветлению, Пробуждению, или Всеобъемлющему Пониманию. Один из них — бхакти. Это путь сердца, почитания и преданной любви к Богу. Второй — джнана, или знание. Это путь даосизма и адвайты. Третий — *это* карма, путь служения другим людям. Рамеш утверждает, что бхакти и джнана — это дороги, ведущие к одной цели:

Когда мы приехали в Санта-Барбару, один человек захотел присутствовать на беседах, но сказал, что был бы очень благодарен, если бы я принял его отдельно. Он собирался прилететь на собственном самолете и сразу же после встречи должен был улететь обратно.

Когда он сказал, что прибудет на собственном самолете, я представил себе относительно молодого мужчину, но человеку, представшему передо мной, было за восемьдесят. Он прилетел с молодой женой, которая, думаю, и вела самолет, а может, пилотом был он сам.

У этого человека действительно была большая проблема. Он встретил Раману Махарши за несколько лет до смерти учителя, и эта встреча перевернула всю его жизнь. После этого события он стал горячим приверженцем учения Раманы

Махарши, которое, по его представлениям, было чистым путем знания, хотя сам Рамана неоднократно повторял, что между бхакти и джнаны нет разницы. Однако мой посетитель не понял этого и считал, что бхакти, путь сердца, не должен ничего значить для тех, кто глубоко усвоил учение Раманы.

В его края собиралась приехать одна женщина, святая, и он получил письмо с просьбой оказать гостеприимство и принять ее у себя дома. Этот человек не был расположен принять ее и собирался отказать, но уехал по делам, а когда вернулся, обнаружил, что святая и все, кто ее сопровождал, уже расположились у него в имении. Будучи джентльменом, он принял случившееся как должное, и, когда стал посещать ее беседы и слушать бхаджаны, они так пришлись ему по душе, что он оказался целиком увлеченным. В этом и состояла его проблема: он чувствовал себя предателем по отношению к Рамане Махарши.

“Я по-прежнему остаюсь приверженцем учения Раманы Махарши. Что же мне делать?” — спросил он.

Когда этот почтенный мужчина рассказывал свою историю, из его глаз невольно текли слезы, они говорили о том, насколько серьезной была для него эта проблема. Я сказал ему: “Что бы ни случилось, ничему не препятствуйте. Если вам что-то понравилось — позвольте себе увлечься: может быть, все это случилось для того, чтобы преподать вам необходимый урок”. “Вы имеете в виду, что я могу и дальше посещать беседы этой святой?” — уточнил он. “Конечно”, — ответил я. Он вздохнул с облегчением, а потом спросил: “А как же Рамана Махарши?” На что я сказал: “Рамана Махарши позаботится о себе сам. Не беспокойтесь о нем. Наслаждайтесь новым опытом, наслаждайтесь путем бхакти, который так неожиданно появился в вашей жизни. Но помните об одном: если через некоторое время ваше увлечение пройдет, оставьте его и не считайте себя виноватым. Нет никаких причин чувствовать вину сейчас, не будет их и потом. Все, что нужно, — это следовать потоку. Наслаждайтесь бхакти сейчас, возможно, этот опыт дан вам для того, чтобы показать: бхакти и джнана — не две разные дороги, и об этом неоднократно говорил и Рамана Махарши”. Когда этот человек уходил, он был счастлив. Мы никогда больше не встречались, но поддерживали переписку до самой его смерти, которая наступила через несколько лет.

В “Бхагавадгите” есть строки, которые свидетельствуют о превосходстве джнаны над бхакти. Бог Кришна говорит: “Когда бхакти, обращенная ко мне, когда любовь ко мне достигает определенной глубины, я дарую мощь постижения — джнаны. Когда преданность Богу достигает определенной ступени, я наделяю этого человека способностью получать истинное знание”.

Есть очень любопытная история, приключившаяся с самым, пожалуй, известным бхакти в Махараште — человеком по имени Тукарам, который жил около трехсот лет назад. Он был самым почитаемым святым в Махараште, истинным бхакти, написавшим более пяти тысяч песнопений. В ранних стихах он обращался к Богу, своему личному Богу Витале, который был ипостасью Кришны. Он говорил: “Витала, для джнани Ты понятен в своем безличном аспекте, но для меня, пожалуйста, жизнь за жизнью являйся в своем образе, чтобы я мог чтить Тебя”.

Затем, когда к Тукараму пришло Истинное Знание, он говорил своему Богу: “Ты обманщик. Ты знаешь, что Ты и я — одно, но все эти годы заставлял меня почитать Тебя”. Тукарам написал и другие строки: “Вы, глупые люди, зачем вы ходите в храм? Почему вы не чтите Бога в себе?”

Махарадж утверждал, что его “пинда”, т. е. средоточие его существа, — бхакти. Он посещал храм и каждый вечер распевал бхаджаны, пока Божественная сила не сделала его гуру, проповедующим недвойственность. Но бхакти была его естественной природой. Однажды группа учеников в праздник Махашиваратри пошла в храм Шивы. В храме было внутреннее святилище. Они подошли к нему и увидели лингам Шивы. Один из них, напустив на себя великую почтительность, сказал: “Этот лингам Шивы, должно быть, очень священный”. На это Махарадж сказал: “Да, достаточно священный, чтобы я мог помочиться на него”. (И это сказал бхакта!)

Рамеш говорит, что бхакти и джнана в действительности одно и то же. “Рамана Махарши считает, что это два пути, ведущие к одной вершине. Это его идея. Я же придерживаюсь другой: это не два пути, а один. Начинается он с бхакти (“Да будет воля Твоя”), а заканчивается джнаной, которая наступает, когда рассеиваются все иллюзии и Первоисточник говорит: “Дорогое мое дитя, никогда не было никакого “я”, которое могло бы страдать”.

Пробуждение

“Попросту говоря, Просветление — это понимание того, что реально, а что нереально”.

Один друг, посещавший некоего джнани, уговорил Махараджа пойти вместе с ним. “Ты должен это сделать”, — убеждал он. Махарадж рассказывал, что он с большой неохотой тащился к этому гуру и даже не купил традиционной гирлянды из цветов — ее дал друг, Но на самой первой беседе, после первых же сказанных гуру слов, случилось чудо — его сердце полностью открылось. Вот что сказал гуру: “Вы не те, кем кажетесь и привыкли считать себя. Вы — невидимая сущность. То, чем вы кажетесь, — это всего лишь отражение, объективное выражение Субъекта”. “Когда я услышал это, — сказал Махарадж, — все мгновенно стало ясным. Исчезли проблемы, сомнения и невзгоды”. Гуру жил не в Бомбее, но Махарадж посещал его два, три или четыре раза в год. Через три-четыре года гуру скончался. Махарадж сказал, что на самом деле после того первого раза ему уже не было необходимости видеться с гуру — понимание пришло уже тогда. Махарадж думал, что его естественная склонность — бхакти. С детства он приходил в храм и пел бхаджаны. Тогда он не понимал, что это было поверхностной склонностью. Его настоящим путем было Знание.

Из “Аштавакрагиты”:

“Когда ум страстно чего-то желает или чем-то опечален — он в оковах. Если же он ничего не желает и ни о чем не печалится, ничего не отвергает и не принимает, не чувствует себя ни счастливым, ни несчастливым — он свободен”.

Гуру свами Вивекананды — Рамакришна Парамахамса — был бхакта. Но его особая проницательность — врожденное интуитивное знание — подсказала ему, что настоящая природа Вивекананды — джнана (хотя привел его к Учителю его друг-бхакта).

Рамакришна достал из-под своей подушки “Аштавакрагиту” и сказал: “Почитай это вслух”. Произнеся первые несколько стихов, Вивекананда воскликнул: “Но ведь это же святотатство! Я не могу продолжать. Здесь говорится: “Я семь Бог”. Как это может быть? Я не хочу читать это”. “Хорошо, прочитай это не для себя, а для меня”, — ответил гуру. По мере чтения “Аштавакрагиты” от прежнего Вивекананды уже ничего не осталось. Хотя его гуру был бхакта, он смог увидеть, что истинная природа ученика — джнана.

Хочу напомнить знаменитую историю о Лао-цзы и его ученике, который однажды пришел к нему, сияя от счастья и гордости. Он припал к ногам мастера и сказал: “Учитель, я достиг понимания”. Лао-цзы с лаской и участием положил руки на его плечи и сказал: “Ты ошибаешься, сын мой”. Удрученный, ученик ушел прочь. Через некоторое время он пришел опять. На этот раз не гордость, а мир и покой были на его лице. “Учитель, это свершилось”, — сказал ученик. Тогда Лао-цзы спросил его, что произошло с того времени, когда ученик пришел к нему в первый раз. Тот ответил: “Я понял две вещи: во-первых, согласился с вашими словами, что я не достиг Просветления; но я знал также, что сделал все возможное, чтобы эта свершилось, и уже не в моих силах предпринять что-либо еще. Это второе, что я понял. Тогда я вернулся к своим обычным делам и перестал думать о Просветлении. И вот, занимаясь повседневными делами, я вдруг понял, что мне не о чем больше думать: все, что я искал, уже есть”.

Есть еще одна прекрасная история — о старой женщине, которая была очень близка к Просветлению. Однажды ночью при свете луны она пошла к источнику, чтобы набрать воды в глиняный кувшин. В темноте она не заметила ступеньку, споткнулась и уронила кувшин. И вдруг женщина поняла, что нет ни кувшина, ни воды, ни луны. Для этой телесно-духовной единицы незначительное событие стало толчком к Пробуждению.

Реальность мудрых

Рамешу постоянно задают вопросы о том, какой ему кажется окружающая действительность, как он воспринимает мелочи повседневной жизни. Люди хотят

получить представление о том, каково это — быть просветленным, увидеть жизнь такого человека изнутри. Из их вопросов становится понятно, как они ошибаются, рисуя в своем воображении жизнь просветленного человека. Рамеш любит такие вопросы и отвечает на них с большим чувством юмора.

“Не нужно бояться джнани. Он видит то же самое, что и вы. Десять разных людей представляются ему десятью различными формами, в которых действует единое Сознание. Он четко видит различия, но одновременно и единство в многообразии. Предположим, что у вас есть десять фотографий, на которых изображены вы сами в десяти разных костюмах, включая женский, и по-разному загримированы. Любой человек скажет, что на фотографиях разные люди, а не один в нескольких образах. Но вы-то будете знать, что это одно и то же лицо. Так и джнани знает то, что скрыто от обычного человека: внешние проявления могут быть разными, но под всеми ними скрывается деятельность Единства”.

Один человек спросил меня: “Как вы проводите свое время?”. “Какое именно? Когда голоден — я ем, когда испытываю жажду — я пью, глоток воды или что-нибудь другое, что есть под рукой. Когда хочется пройтись — разгуливаю по своему дому. А когда приходят люди, которые хотят поговорить, — я беседую с ними. Другими словами, моя жизнь исключительно проста”.

В основном, если не рассматривать состояния отстраненного наблюдения и полного самоуглубления, я заметил, что с достижением Просветления исчезают и желания, и ожидания. Это приносит чувство мира и покоя и уверенность, что все, чему суждено случиться, непременно произойдет. Это не значит, что у меня совсем нет никаких планов и ожиданий, отнюдь нет. Они, конечно, возникают и, что удивительно, почти всегда сбываются. И когда это происходит, в груди поднимается огромная волна благодарности.

Во время второй поездки в Голливуд вместе с женой однажды рано утром я готовился к беседе. Обычно в

путешествия я брал с собой маленькую фотографию Раманы Махарши. В этот раз я заметил жене: “У меня нет достаточно хорошей фотографии Раманы Махарши. Как только вернемся в Бомбей, я достану большую фотографию, чтобы повесить над столом”, В тот же самый день, через полчаса, когда я был уже совсем готов к беседе, в дверь постучали. Вошел человек; в руках он держал фотографию Раманы Махарши в красивой рамке как раз такого размера, какой был мне нужен. “Не знаю почему, но я подумал, что этот снимок должен вам понравиться”, — сказал он. “Да, конечно”, — ответил я. Вот уже одиннадцать лет, с 1988 года, эта фотография висит над моим письменным столом. А поскольку кругом масса фотографий Раманы, то эту я называю “голливудским Раманой”.

Рамеш считает, что пожертвования никак не соотносятся с реальными потребностями. “Деньги и другие материальные блага, которые приносят люди, — это всего лишь знак, выражающий впечатление, которое оказало на них учение. Поэтому желание делать пожертвования — это желание отдавать, которое никак не зависит от необходимости в этих дарах. Просто иногда получается так, что они приходят как раз вовремя.

Много раз я получал денежные пожертвования. Но одно из них вспоминаю особенно часто. Когда жена лежала в больнице, ко мне пришел один испанец, которого до этого я видел всего три или четыре раза. Это был очень приятный человек, всегда улыбающийся. Он постучал в дверь, вошел и сказал: “Рамеш, я узнал, что твоя жена сейчас лежит в палате интенсивной терапии, а ведь это очень дорого. Возьми, может быть, это тебе пригодится”. С этими словами испанец протянул мне пять пачек стодолларовых банкнот. Всего там оказалось три с половиной тысячи долларов. Он пришел и дал деньги, потому что ему хотелось это сделать. Без сомнения, этот человек был достаточно богат, чтобы позволить себе оказать помощь, а у меня оказались деньги как раз тогда, когда в них была необходимость.

Важно, чтобы не было ни ожидания, ни желания денег. Для кого они на самом деле предназначены? Не для нас — нам ведь отпущено всего лишь несколько лет жизни. Очевидно, они предназначены нашим детям и внукам, которые будут ими пользоваться, а также благотворительным учреждениям, которым регулярно отчисляются определенные суммы. Так что пожертвования приходят и уходят.

Когда моя жена лежала в больнице, она знала, что это очень дорого, и на самом деле это было чрезвычайно дорого. Но счета оплачивались без особых проблем: когда *наступала* необходимость, деньги непременно появлялись. Когда жене стало немного лучше, она спросила о деньгах. Я ответил: “Все в порядке, все долги заплачены”. Тогда жена махнула рукой, как бы желая сказать: “Деньги пришли — деньги ушли”.

Мой гуру Нисаргадатта Махарадж разработал простое правило отношения к пожертвованиям, которому следую и я: “Ничего не ожидать, ничего не требовать, ни от чего не отказываться”.

Вот один случай, произошедший с Нисаргадаттой Махараджем. Однажды среди посетителей он увидел брамина, одетого в лонги (кусоч материи, обернутый вокруг бедер), рубашку и полотенце, накинутое на плечи. Он прибыл из ашрама Раманы Махарши. У него совсем не было денег, и приехал он так: пришел на вокзал, дождался на платформе ближайшего поезда и сел в него. Через некоторое время контролер обнаружил безбилетника и выдворил его на ближайшей станции. Там брамин дождался следующего поезда, и все повторилось. Так он добрался от Тируванна-валая до Бомбея за сорок восемь часов.

Было видно, что он брамин, а в Индии всегда найдутся люди, которые, увидев брамина, предложат ему еду. Так он и питался. Махарадж позаботился о нем. Он спросил: “Где ты остановился в Бомбее?” “Нигде. Я только что приехал и сразу же пришел сюда, потому что не мог ждать ни минуты. Когда в Рамана-ашраме ко мне пришло озарение, я сразу же отправился в путь — и вот я здесь”. Кроме брамина в комнате находилось еще восемь или десять человек, в основном индусы, и Махарадж сказал: “Наверняка у кого-то из вас найдется в доме место для этого человека”. Один из посетителей предложил брамину кров, а заодно стал кормить его. Вскоре

люди стали просить брамина совершать пуджи. В конце месяца он пришел к Махараджу и сказал: “Завтра я уезжаю. Не могу передать, как я был счастлив весь этот месяц в Бомбее, слушая ваши беседы. Пожалуйста, примите от меня эти скромные деньги, которые я заработал, совершая пуджи”. И протянул Махараджу банкноту в десять рупий.

Махарадж жил исключительно скромно, но и для него эти деньги были совсем незначительной суммой. Однако учитель принял их с большим достоинством, как будто это была сумма в сто раз больше. Он, как обычно, положил деньги в карман и сказал: “Большое спасибо. А когда именно вы собираетесь уезжать?” “Я приду сюда на беседу, а потом покину Бомбей”, — ответил брамин. После его ухода Махарадж послал помощника к портному и велел купить подходящую для брамина одежду, какую носят в Южной Индии. На следующее утро Махарадж торжественно преподнес ему сверток с одеждой, добавил к нему сто рупий и сказал: “Пожалуйста, прими это от меня”.

Реальность, в которой живут мудрые, Рамеш определяет еще и таким высказыванием: “Мудрец живет в дуальности, а обычный человек — в дуализме”. Дуализм предполагает постоянный выбор, признание дуальности — это мудрость.

Рамана Махарши говорит, что это, все еще остающееся в пробужденном человеке, похоже на след от сгоревшей веревки: ее уже нет, но форма сохраняется, хотя этой веревкой уже невозможно никого привязать.

Большая часть вопросов на семинарах Рамеша — о том, каково это — быть просветленным, Рамеш принимает этот термин, но предпочитает пользоваться другим: “Абсолютное Понимание”. “Некому быть просветленным”, — говорит он. Рассказывая о своей жизни, он говорит: “Я получил отмеренную мне долю горя и боли”.

С самого раннего детства мой старший сын Аджит страдал от астмы. Все началось с экземы, заболевания кожи. Нас предупредили, что лечение может привести к астме, но болезнь была такой жестокой, что мы с женой решили использовать этот шанс, а начали лечение. Как нас и предупреждали, у него началась астма. Мы живем в прекрасном доме, который пятьдесят лет тому назад был еще чудесней. Тогда здесь была открытая веранда, откуда были видны звезды. На ней мы из ночи в ночь по очереди брали сына на колени и укачивали его, так как он не мог спать. Он сидел у меня на коленях и наблюдал за созвездиями. Это был очень сообразительный мальчик. Обычно он следил за движением звезд и часа в четыре или в половине пятого утра мог сказать: “Скоро вот эти звездочки передвинутся на два дюйма, потом станет светло, и мы сможем пойти спать”. Так мы проводили ночь за ночью.

Аджит умер в 1990 году, когда мы с женой были в Сиэтле, где я проводил беседы. Из-за астмы он не мог работать по своей профессии. Последние годы он проводил дома. Обычно он сидел в своей комнате и оттуда слушал, о чем я беседую с людьми. Он обладал острым умом и очень хорошим пониманием. Я вспоминаю, как однажды ко мне пришел посетитель, далеко продвинувшийся на пути духовного поиска, и мы начали разговор. Аджит внимательно слушал, потом прошел на кухню и сказал моей жене: “Это очень хороший человек”. В конце концов лишенный из-за астмы возможности спать ночью, он понял, что только алкоголь может дать ему два или три часа необходимого сна. Так он пристрастился к спиртному. Все мы предупреждали Аджита: “Смотри, это убьет тебя”. Но он отвечал: “Я лучше знаю. Я должен пить, потому что мне надо спать”. Он продолжал пить, началась болезнь

печени, и он умер. Раздался телефонный звонок, и мы узнали, что Аджит при смерти. Жена поехала домой, а я продолжил беседы. По дороге домой жена позвонила мне из Нью-Йорка. К тому времени я уже знал, что наш сын умер, но не сказал ей об этом. Зачем ей было горевать прежде времени?

Я получил свою долю бед. Муж моей дочери пил, что приносило ей много горя. К тому же его чрезмерная щедрость переходила все границы, так что жизнь моей дочери была полна проблем. Вот почему я могу сказать, что испил свою чашу горя и боли.

Два или три года назад у меня началась боль в позвоночнике, причину которой врачи никак не могли установить. Боль была не очень сильной, она не мешала сидеть и разговаривать, так что мои беседы продолжались. Я мог сидеть, стоять, ходить, потому что тогда боль была переносимой. Но я совершенно не мог лежать. Врач сказал, что это первый случай в его практике, когда больной не в состоянии лечь: обычно облегчение приходит как раз тогда, когда больной лежит. Таким образом, я провел несколько дней, сидя в кресле.

Так что и после Самореализации жизненный путь отнюдь не становится гладким. Он гладок лишь в том смысле, что ты с готовностью принимаешь и боль, и удовольствие. В какой-то степени это утешает. Но уготованные тебе горе и боль никуда не исчезают, их все равно придется пережить.

Рамеш говорит, что Самореализация — это принятие всего. Это понимание того, что все происходящее не является результатом чьих-то действий. “Если кто-то попытается причинить мне боль, я испытаю ее в той степени, в какой ей будет подвержено мое “я”. Но никогда не бывают чувства, что кто-то причинил мне боль.

А, следовательно, не бывает и чувства ненависти к кому бы то ни было. Это и есть тот мир, о котором я говорю”.

Однажды человек, который посещал Махараджа шесть месяцев, или шесть лет, или что-то вроде того, задал вопрос, который очень разозлил учителя. “Вы ходите сюда столько лет (или столько месяцев) и задаете такой глупый вопрос!” Но уже в следующую секунду этот человек сообразил, в чем дело, и сам дал очень забавный ответ. Махарадж рассмеялся вместе со всеми. Раздражение уступило место смеху. Злость не продержалась долго, Махараджу не пришлось в голову, что раз это тот самый человек, который разозлил его, то не надо смеяться шутке. И хохот Махараджа звучал громче всех!

Рамеш говорит, что, раз нет страха перед жизнью, нет страха и перед смертью.

Когда я был на Гавайях, нам пришлось лететь на вертолете, пилот которого, судя по всему, любил риск: он провел машину в непосредственной близости от водопада, и, когда нам уже показалось, что мы вот-вот разобьемся, вернул вертолет на нужный курс. Потом пилот обернулся и посмотрел на пассажиров. Он видел, что моя жена очень боялась аварии, а мне заметил: “На вашем лице было выражение какого-то восторга, почти экстаза”. На самом деле, когда мы не разбились, я почувствовал себя несколько разочарованным. Я часто думал о том, что смерть должна быть по-настоящему увлекательным опытом. Кто-то может сказать, что под желанием

смерти скрывается стремление освободиться от телесной оболочки. Тогда я позволю себе процитировать отрывок из книги Раманы Махарши: “Мудрец не только не боится смерти, но иногда желает ее”.

У моего первого гуру был маленький ашрам, в котором собирались ученики. В одно субботнее утро мне случилось быть там. Вблизи ашрама находилось несколько хижин, в которых жили беднейшие из бедняков со своими детьми, которые, как и все дети, шумели и играли на улице. В то утро за стенами ашрама неожиданно раздался крик, будто кого-то ранили. Двух учеников послали узнать, что случилось. Вскоре они внесли избитого старика, который иногда посещал ашрам. Этот человек достиг Абсолютного Понимания. Он был очень простым человеком и не заботился о том, чтобы кто-то признал его Самореализацию. Его совершенно это не интересовало.

Старик жил на то, что Бог пошлет, не имел пристанища, носил ветхую одежду и не заботился о том, как он выглядит, так что был прекрасной мишенью для детей. Кто-то из них зло пошутил над стариком, и они ожидали, что тот разозлится. Но тот не рассердился, а присоединился к их смеху. Это привело в ярость мальчика, подшутившего над стариком, и он кинул в беднягу камнем. Остальные дети последовали его примеру, и старика серьезно поранили.

Потом пришли люди из ашрама и унесли старика. “Сколько это может продолжаться? — ворчали они. — Куда смотрит полиция? Нужно что-то предпринять”. Раны и ссадины старика оказались не очень серьезными. Их промыли, перевязали, и вскоре он пришел в себя. Пока ему оказывали помощь, он сказал: “Почему вы ропщете? Я не понимаю. Только всего и случилось, что одни руки бросали в меня камни, а другие промыли и залечили мои раны. К чему весь этот шум?” Это было сказано вовсе не для впечатления — это шло из глубины сердца.

В свое время книга Дж. Кришнамурти “ Пробуждение разума” (“The Awakening of the Intelligence”) оказала на меня колоссальное воздействие, за что я вечно буду ей благодарен. Но когда я прочитал в одной из его книг: “Я никогда не вижу снов по ночам”, — то закрыл ее. Я подумал: “Конечно, о человеке, живущем в Гималаях и ни с кем не общающемся, я еще могу так подумать. Но он живет то в Оджаи, то в Цюрихе, встречается с людьми, раздражается, когда его спрашивают “как?”. Я был счастлив, когда в книге Раманы Махарши обнаружил такой диалог. Кто-то спросил его: “Видите ли вы мертвецов?”, на что Рамана Махарши ответил: “Только во сне”.

Истории из жизни Рамеша

Мое первое озарение связано с Раманой Махарши. В двадцать лет мне попалась его книга, и она потрясла меня. Но мне не было суждено стать учеником Раманы Махарши и сидеть у его ног, хотя вроде бы ничто не мешало осуществить это желание: он умер, когда мне было тридцать три года. Я мог посетить его, я хотел

этого, но тогда, в начале своей карьеры, я был так занят, что не смог этого сделать. Так что мне не осталось ничего другого, как принять факт, что судьбой мне уготовано находиться не возле Раманы Махарши, но возле Нисаргадатты Махараджа. Однажды кто-то спросил Нисаргадатту, какая разница между ним и Раманой Махарши. С присущим ему чувством юмора Махарадж ответил: “Никакой. Разве что я чуть лучше одет”.

Следующие две истории — о службе Рамеша в Банке Индии.

Когда я работал в банке, большая часть моей жизни и деятельности была связана с ним — в его стенах или вне его. Где бы я ни находился, куда бы ни шел, я не должен был забывать, что я — банковский служащий достаточно высокого ранга и должен говорить и выглядеть соответственно. Какую же потрясающую привилегию я получил, выйдя на пенсию: стать незаметным человеком!

Помню, еще до выхода на пенсию я однажды возвращался от Махараджа во время сильного дождя, когда дороги размыло и идти приходилось по жидкой грязи. Мы шли с приятелем, на двоих у нас был один зонтик, так что я к тому же промок. В голове промелькнуло: “Не дай бог, кто-нибудь увидит...” И как только я подумал об этом, сразу увидел идущего нам навстречу служащего банка. Это было очень смешно: он поравнялся с нами, потом еще раз прошел мимо и пробормотал: “Нет, этого не может быть”. И удалился. Это было в высшей степени забавно.

Преимущество быть никому не известным человеком оцениваешь по достоинству только тогда, когда получаешь возможность полностью насладиться им. Раньше, когда я посещал концерт, публика должна была меня видеть; я должен был сидеть на видном месте, и, если концерт оказывался скучным, мне приходилось довольно туго. Позже, когда я ушел на пенсию, придя на концерт, я мог сесть на любое место где-нибудь в задних рядах и получить настоящее удовольствие.

Где-то лет в двенадцать, а может быть и раньше, у меня возникло два твердых убеждения: первое — весь окружающий мир абсолютно нереален, второе — смешно думать, что человек обладает свободой воли. Телесно-духовная единица с подобными убеждениями не особенно приспособлена для жизни в этом мире, но, с другой стороны, существование представляется ей чрезвычайно простым.

Отец решил, что я должен получить высшее образование в Англии. Вернувшись, я устроился работать в прекрасное место, но на самую низкую должность. Пожалуй, я первый человек за всю историю Банка Индии, который начал службу простым клерком, а закончил президентом. У меня было глубокое убеждение, что все уже предопределено, и мне нужно просто принять это. Были люди умнее меня, были работающие гораздо больше меня, но, казалось, именно мне судьба преподносит все на блюде. Я даже чувствовал что-то вроде вины за то, что успех приходит без малейших усилий с моей стороны, но это было так, и ничего поделать с этим было нельзя. Конечно, на мою долю выпало сколько-то зависти и ревности, но было нечто присущее мне, что заставляло мое руководство высоко меня ценить.

Я никогда раньше не занимался рекламой, как вдруг наш председатель, человек очень дальновидный, решил, что Банк Индии должен сделать себе рекламу. У нас не было специального отдела, занимающегося связями с общественностью и рекламой,

и он стал решать, кому это поручить. Тогда кое-кто в банке решил, что есть шанс посадить меня в лужу. Работу с рекламой поручили мне. Сначала я целыми днями пропадаю в ведущих рекламных агентствах, переговорил с главными менеджерами и убедился, что у них совершенно нет свежих интересных идей. Я решил, что, раз уж все равно моя голова лежит на плахе и отступать некуда, надо попробовать сделать рекламу самому.

Я выбрал агентство, состоящее из одного человека, а также коммерческого художника и фотографа, которые с ним сотрудничали. Я работал над рекламой до конца дня, потом поужинал и вышел на веранду под открытым небом. Я ни о чем не думал, идеи просто появлялись в голове каким-то необъяснимым, чудесным образом. После этого утомительного дня я сидел в кресле в состоянии, которое Кришнамурти называл! “пробужденным разумом”. Он говорит, что это вовсе непохоже на то безразличное состояние, в котором пребывают идиоты, наоборот, “пробужденный разум” чрезвычайно бдителен и восприимчив. Я сидел, даже не пытаясь сострять какой-нибудь план или схему действий, а лишь с любопытством следил, как идеи возникают у меня в голове.

В результате реклама Банка Индии оказалась наступательной и очень эффективной. Глава конкурирующего с нами банка вызвал топ-менеджера своего рекламного отдела и сказал: “Даю вам два месяца, чтобы сделать нашу рекламу по крайней мере столь же интересной и действенной, как реклама Банка Индии, иначе вы будете уволены”. Через два месяца бывший топ-менеджер рекламного отдела уже искал себе другую работу. Банк Индии вышел победителем, потому что его реклама шла не от человеческого разума, но от Абсолютного Сознания!

Рамеш рассказывает о встречах с Махараджем:

В течение двадцати лет до встречи с Махараджем у меня был другой гуру. Он говорил о недвойственности, но уровень его понимания остановился на уровне его гуру, который направлял все действия своего ученика. Мой учитель, человек очень искренний и благородный, почитал своей обязанностью и материально, и духовно помогать ученикам на их жизненном пути. Это было не совсем то, что мне нужно, но, следуя своей природе, я не покидал гуру в течение двадцати лет, хотя все это время знал, что мне необходим другой учитель. В тот самый день, когда я увидел Махараджа, на его самой первой беседе, я понял: это то, что мне нужно. Но и предыдущие двадцать лет не прошли даром: они были частью необходимого процесса. Они позволили мне разобраться в том, что мне действительно нужно, а что нет. И как только я встретил то, что мне было нужно, — я сразу узнал его.

Джин Данн написала несколько книг, посвященных учению Нисаргадатты Махараджа, а также статью об учителе и его книге “Я есмь То”, опубликованную в печатном органе Рамана-ашрама, журнале “Горный путь”, который я выписывал в течение двадцати пяти лет. В статье было множество цитат из книги Махараджа. Я тотчас приобрел экземпляры книги, напечатанной к тому времени в двух томах. За выходные я буквально проглотил оба тома и в понедельник утром пришел к Махараджу. Когда я взобрался по лестнице к нему в мансарду, кроме него там был только его личный помощник. Приблизившись к Махараджу, я опустился перед ним на колени. Его первые слова были: “Наконец-то ты пришел, не так ли? Подходи и садись”. Я подумал, что эти слова обращены к кому-то у меня за спиной, но,

оглянувшись, никого не увидел. Но самым интересным было мое четкое ощущение, что Махарадж произносил эти слова бессознательно. Так что его первое обращение ко мне было наитием.

Я жил в Бомбее всю жизнь и всю жизнь интересовался духовными учениями, но ничего не слышал о Нисаргадатте Махарадже, пока не прочитал эту статью. Когда я рассказал человеку, который начал посещать Махараджа одновременно со мной, что я, живя в одном городе с учителем, ни разу не встретился с ним, он рассмеялся: “По крайней мере, вы жили в двух или трех милях от него”. Оказалось, он двадцать лет прожил в пяти минутах ходьбы от дома Махараджа, но не знал о его существовании. Обычно каждый год он покупал много книг в одном магазине, и как-то раз, когда он в очередной раз зашел туда, продавец сказал, что, вероятно, ему будет интересна книга “Я семь То”. “Я купил ее, прочитал — и вот я здесь”. Вот как происходит неизбежное.

Через год после встречи с Нисаргадаттой Махараджем Рамеш обрел опыт Пробуждения.

С детства я был твердо убежден в двух вещах. Первое — что все кажущееся реальным на самом деле нереально. Это что-то вроде сна или иллюзии. Из этого следовал второй вывод, что я не могу ничего изменить в том, что мне суждено: ни в здоровье, ни в богатстве, ни в карьере, ни в знаниях — ни в чем. Благодаря таким убеждениям трансформация прошла очень мягко, почти незаметно. Это случилось неожиданно, и я знаю точное время, когда это произошло, — в Дипавали, праздник Света. Обычно Махарадж не проводил в это время беседы, в помещении проводилась уборка. Я начал приходить к Махараджу в 1978 году, а это случилось в 1979, почти год спустя. Мой друг предложил: “Зачем прерывать беседы? Большинство людей знает, где мой дом. Для других могу принести карту. Почему бы не проводить беседы у меня?” Махарадж не возражал.

Обычно кто-то из учеников переводил беседы Махараджа на английский. В тот день переводил я. Как только я начал переводить, случилась поразительная вещь. Обычно процесс перевода происходил так: я выслушивал Махараджа, впитывал его слова, затем у меня складывались английские фразы, и затем я озвучивал то, что понял. Но в этот раз все слилось в одно: слова Махараджа сразу же как будто эхом отзывались на английском, и я едва мог дождаться паузы в речи учителя. Как будто бы я хотел сказать: “Ну почему же вы не останавливаетесь? Ведь я знаю, о чем пойдет речь”. Все происходило так неожиданно, что я едва мог слышать его голос, он приходил как будто издалека. Мне не нужно было ни секунды, чтобы перевести то, что он говорил. И все это заметили.

Махарадж не знал английского и временами, когда сомневался в переводе, мог спросить: “Что ты сказал?” И очень часто я был вынужден признаться, что не помню, и, если он хочет знать, что я сказал, нужно будет посмотреть записи. Но с того дня Махарадж ни разу не переспросил меня. После того как беседа была закончена, мой друг заметил: “Да ты сегодня в отличной форме”. “Почему ты так решил?” — спросил я. “Ты говорил так уверенно, как будто тебя совсем не заботило, правилен или нет твой перевод, как будто тебя совсем ничего не волновало. Твой голос был более звучным и уверенным, чем обычно, и ты гораздо больше жестикулировал”, — ответил друг. Я ничего не сказал. Это было, когда Оно свершилось.

В другой раз Рамеш более подробно рассказал о том, как произошло Пробуждение:

Сначала было нетерпение, возникшее оттого, что я знал все об окружающем меня мире. Махарадж и я не были двумя отдельными существами. У меня возникло поразительное ощущение единства — не только между мной и Махараджем, но и со всем сущим. Честно говоря, казалось, что слова совершенно не нужны, хотелось преодолеть их, обойтись совсем без слов. Нужно было выполнять обязанности, в то время как меня не покидало чувство, что все это не нужно (у меня было смутное желание, чтобы переводить стал кто-нибудь другой и избавил бы меня от этого). Возникло чувство единства, и казалось, что ничего переводить уже не надо. Потрясающее, поразительное ощущение единства, повторяю, не только между мной и Махараджем, но и со всей Вселенной.

На вопрос, как Махарадж воспринял его Пробуждение, Рамеш отвечает так:

Внешне это выразилось в том, что он перестал просить, чтобы я повторил свой перевод. Он принял то, что процесс перевода происходит у меня спонтанно. Но однажды Махарадж сказал... Мне не нравится говорить об этом, потому что он сказал: “Я рад, что это случилось хотя бы один раз”. Я был безмерно удивлен и вопросительно посмотрел на него. “Может быть, это было еще дважды или трижды — очень может быть”. Вот так он признал то, что со мной произошло.

Когда Понимание достигает определенной глубины и если данной телесно-духовной единице суждено идти по пути наставничества, тогда Сила — можно на-

звать ее Сознанием или Богом — таинственным образом посылает нужных ей людей.

Те, кто был знаком со мной раньше, знают, что я по натуре своей неразговорчив. Если собирается группа из восьми или десяти человек, я буду больше слушать и помалкивать. Я никогда не имел склонности к беседам — и вот я их провожу. Когда я посещал Махараджа, он предупреждал переводчиков, чтобы все вопросы обсуждались только в его присутствии. Он на этом очень настаивал, возможно, из-за боязни, что учение будет неправильно понято и неверно истолковано. Позже, когда я стал переводить, он нашел, что мое понимание учения довольно приличное.

Однажды воскресным утром, когда Махарадж был болен (не мог сидеть и лежал в постели) к нему пришла группа людей из восьми или десяти человек, приехавших издалека. Он сразу попросил: “Пожалуйста, не задавайте слишком много вопросов. Пусть их будет так мало, как только возможно. Я не совсем здоров”. Посетители посоветовались между собой, решили, какие вопросы они будут задавать, и потекла обычная беседа.

В какой-то момент Махарадж захотел спуститься вниз (может быть, в туалет или еще зачем-то). Прежде чем выйти, он в первый раз на моей памяти сказал: “Не останавливайтесь, продолжайте задавать вопросы”. И, указав на меня, добавил: “Он будет отвечать за меня”. Но никто не решался задать вопрос, так что я не отвечал. Человек, сидящий рядом со мной, сказал: “Махарадж просил вас вести беседу. Если вы не начнете, он рассердится”. Когда Махарадж вернулся, он спросил: “Что тут происходило?” “Ничего, — ответил я, — не было ни вопросов, ни ответов”. Он

поворчал немного, а потом продолжил беседу. Это было примерно за месяц до его смерти.

Махарадж знал, что, несмотря на его благословение, я не провожу беседы. За два дня до смерти учитель был так болен, что помощник наклонялся и почти прикладывал ухо к его рту, чтобы услышать, что Махарадж хочет сказать. Вдруг учитель в энергичном порыве сел на кровати и, опираясь на локоть, посмотрел на меня, стоящего рядом, и сказал: “Почему ты не проводишь беседы?!” И затем откинулся назад. Я думал, что наступил конец, но это было не так. Он остался с нами еще на сутки.

Немного ранее Махарадж спросил, почему я не провожу беседы; он знал, что я не делаю этого, и дал мне благословение. Но я все же не начинал беседовать с людьми, так как считал, что не имею на это полного права: разрешение было мне дано лишь в конкретный день, в конкретном случае. Если бы Махарадж не повторил свое благословение, не знаю, отважился бы я на такой шаг или нет. Может быть, да, а может быть, нет. Не могу сказать. Во всяком случае, когда вскоре ко мне пришли люди, я провел с ними беседу. Одним из них был Генри Деннисон, а другим — Хайнер Зигельман,

По-настоящему моя деятельность началась, когда из близлежащего ашрама пришел один австралийский студент-медик и захотел услышать мою беседу. Мы проговорили час или полтора. Он был в Индии около шести месяцев и должен был уезжать через неделю, чтобы вернуться к учебе. Перед уходом студент попросил разрешения прийти еще раз. На следующий день он позвонил откуда-то с дороги и спросил, можно ли привести с собой еще двух-трех людей. “Конечно”, — ответил я. Среди трех посетителей, пришедших вместе с ним, был Эд Натансон. После этого число слушателей продолжало расти.

Среди людей, пришедших вместе с Эдом, был свами из того же ашрама, что и Эд, в оранжевом одеянии. Он внимательно слушал, но я видел, как что-то беспокоит его. В конце беседы он сказал, что был очень рад попасть сюда, и выразил желание прийти опять.

Но, очевидно, все это время он внутренне укорял себя за то, что пришел к постороннему человеку, чтобы поговорить о том же, что проповедуют в его родном ашраме. Свами боялся, что Эд или другие друзья из его ашрама выдадут его, и старался всяческими путями удалить их из ашрама. Но, думаю, они были только рады уйти, по причине, если можно так выразиться, смены руководства.

В числе моих самых первых посетителей был американец по имени Генри Деннисон. Я получил от него письмо, в котором он говорил, *что* путешествует по миру, будет проездом в Бомбее и хотел бы в течение трех или четырех дней побывать на моих беседах. Я ответил согласием. Он приехал и остался на три месяца. Все это время Генри настойчиво уговаривал меня поехать в Лос-Анджелес, где он мог бы организовать несколько бесед. По его словам, у многих его друзей не хватало времени и денег, чтобы поехать в Индию, но они очень и очень хотели бы повидать меня.

Меня не заинтересовало это предложение. Я вообще не хотел получить известность как джнани, меня вполне устраивала уже сложившаяся жизнь, так что я не выказал особого энтузиазма. Однако в последние

дни перед отъездом Генри купил мне билеты туда и обратно на самолет Индийской авиакомпании по маршруту Бомбей — Лондон — Нью-Йорк — Лос-Анджелес. У меня даже не было паспорта, но, поскольку дело зашло так далеко, очевидно, сама судьба звала меня в Лос-Анджелес, и я поехал. Так начались мои американские беседы.

В первый, 1987-й год беседы проходили в доме Генри Деннисона. Это был замечательный красивый дом на берегу озера — достаточно большой, чтобы вместить тридцать или сорок человек. Раньше я не мог представить, что в таком огромном доме можно обходиться без слуг. Сейчас я знаю, что многие американцы живут именно так, за исключением миллионеров, которые держат прислугу. Пока мы жили у него, Генри вставал каждое утро пораньше, чтобы приготовить нам завтрак.

Когда мы приехали, я поднялся очень рано и увидел несколько журналов, один из которых назывался “Йога джорнал” (“Yoga Journal”). Он был довольно популярным, и, пока я его просматривал, в глаза бросилось большое количество объявлений, которые — не уверен, было ли там слово “Просветление” или какое-то подобное, — обещали “Просветление за уик-энд. Стоимость \$350”, “Запись до такого-то числа. Я в изумлении закрыл журнал и сказал себе: “Что я здесь делаю?” Ответ на этот вопрос пришел дня через два или три после начала бесед.

Около восьми утра ко мне в дверь, постучал человек. У него были покрасневшие глаза: было очевидно, что он провел бессонную ночь. Он вошел, посмотрел на меня долгим взглядом, пал ниц у моих ног, как это сделал бы индус, и сказал: “Я не делал этого ни перед кем”. Затем он поднялся и рассказал свою историю.

В течение тридцати восьми лет он вел духовный поиск. Этот человек был личным другом Джидду Кришнамурти, прочитал все, что только было возможно. От Генри Деннисона он узнал, что я приезжаю. Он сказал, что когда увидел мою фотографию, то подумал: “Вот и конец моего поиска”. Он захотел поговорить со мной, позвонил Генри и сказал, что хочет видеть Рамеша. Генри ответил: “Он будет проводить здесь беседы через три дня. Зачем тебе беспокоить его сейчас?” И он отложил свой приход.

Было видно, что этому человеку нужен всего лишь маленький толчок, и он получил его, и достиг Конечного Понимания. У меня не осталось в этом сомнений, после того как мы в течение некоторого времени поговорили с ним. А потом, когда он прошел в комнату, где проводились беседы, и сел на свое обычное место, я вдруг понял, что нашел ответ на вопрос: “Что я здесь делаю?” Я приехал сюда потому, что это было нужно именно этому человеку. А если есть один, значит, могут быть и другие.

В моей программе записано, что мне больше нравится ходить, чем сидеть. Так что если нечего делать, я шагаю из одного угла комнаты в другой. Это примерно двадцать пять шагов. Я продолжаю ходить, рассчитывая, что за двадцать пять минут, делая небольшие

перерывы, я прохожу одну милю. По приблизительным подсчетам за день я прохожу четыре мили. Однажды, когда я совершал обычную прогулку по комнате, я заметил,

что неожиданно у меня в голове родилась мантра. Походив некоторое время, я устал и прилег на несколько минут. Моя жена видела, что я лежал всего пять минут, а потом вскочил, как будто мне нужно было сделать что-то важное. Она сказала: “Ты отдыхал всего пять минут. Может, лучше было полежать минут двадцать?” На что я ответил: “Я лег не для отдыха. Я просто прилег, и этого времени хватило, чтобы отдохнуть”. Пока я лежу, внутри меня раздается пение. Это Шива-мантра. Все годы это происходило именно так: состояние отстраненного наблюдения, самоуглубления, и вдруг совершенно неожиданно приходит мантра. Я был очень удивлен и обрадован, когда однажды прочитал у Раманы Махарши: “Неожиданное появление джапы (повторяющейся мантры) означает Самореализацию”.

В неофициальном интервью, которое взяли у Рамеша во время одной из бесед в Ковалам-Бич, его спросили, как изменились отношения с окружающими, после того как произошло Пробуждение.

Думаю, что изменение л отношении к людям, которое могли заметить окружающие, состоит в том, что стало намного больше сострадания и намного меньше требовательности.

Рамеш — автор многих книг, большинство которых были написаны достаточно спонтанно. Он рассказывает, как начал писать о своем наставничестве и как это стало частью процесса Пробуждения:

Когда я еще был с Махараджей, однажды глубокой ночью я поднялся с постели и ощутил настоятельную потребность писать. Я повиновался ей, и из-под моего пера вышли строки свободных стихов. В школе я не любил поэзию и боялся ее. Поэзия казалась мне чем-то странным, и вот так получилось, что первые сочиненные мной строки оказались стихами. Я напечатал их на машинке и прочитал Махараджу. Он предложил сделать несколько печатных копий. Я предполагал, что буду распространять их бесплатно, но Махарадж был деловым человеком. “Если ты даешь что-нибудь бесплатно, значит, это не имеет никакой ценности. Продавай их хотя бы по пять рупий за экземпляр”. Я так и сделал. И вот в уже далеком теперь 1979 году на свет появился маленький коричневый сборник стихов под названием “Все как есть” (“The Whole Story”).

Когда начинается такое сочинительство, оно еще не означает полного Пробуждения. Оно лишь показатель процесса Просветления, часть этого процесса. В это время происходит и многое другое. Может возникнуть чувство страха. Телесно-духовный организм может подвергнуться определенным изменениям — очень интенсивным или не очень, — или же изменений вообще не будет. Абсолютно невозможно представить заранее или предсказать, что именно произойдет. Духовный поиск — это путь, на котором — пока он не завершен — может случиться все что угодно. Когда же путь завершен — в этом уже нет никаких сомнений и не возникает никаких вопросов: то, что по-настоящему реально, видится реальным, а что нереально — нереальным, и это — великий опыт безличного действия Всеобщности.

Исходный текст: Библиотека "Тело Света" <http://www.telo-sveta.narod.ru/libr.htm>